

МАСТЕРА УЖАСОВ

18+

НИК КАТТЕР
ОТРЯД

Ник Каттер

Отряд

Серия «Мастера ужасов»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65747297
Отряд / Ник Каттер: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-126743-8

Аннотация

Каждый год отряд скаутов отправляется на необитаемый остров Фальстаф у побережья Канады, где они проводят выходные в условиях дикой природы, учатся разводить костры, ловить рыбу и ориентироваться на местности. Это традиция, в ней нет неожиданностей, и каждое поколение вспоминает эти поездки с радостью и ностальгией. Только в этот раз все будет по-другому. К стоянке скаутов выходит странный незнакомец – невероятно тощий, жутко бледный и чудовищно голодный. Они столкнутся с чем-то куда страшнее любого привидения из байки у костра. Они столкнутся с носителем подлинного кошмара, созданного в биогенетических лабораториях. И теперь скаутмастеру Тиму Риггсу и его подопечным придется бороться со стихиями, с зараженными и даже со своими собственными товарищами, и цена выживания будет невероятно высока.

Содержание

Часть первая	5
1	9
2	14
3	23
4	25
5	29
6	37
7	48
8	63
9	74
10	86
11	104
12	109
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Ник Каттер

Отряд

Моему брату Грэму

Взрослые – это всего лишь постаревшие дети.
Доктор Сьюз

Голова – для зверя. Это – дар.
Уильям Голдинг. Повелитель мух

Часть первая

Голодный человек

* * *

Интернет-издание «Паранормальные новости», 19 октября

ГОЛОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ ОКРУГА ПРИНС!

Автор Хантингтон Малвани

Дорогие читатели, ужасные вести пришли из одного из наших самых уединенных аванпостов – крошечной рыбацкой общины Нижнего Монтегю на острове Принца Эдуарда. Этой одинокой зловещей скалы, возвышающейся над Атлантическим океаном.

Идеальное место для чертовщины, как вы считаете? К счастью для вас, у нас повсюду имеются глаза и уши. Мы всё видим и слышим.

Сэди Эдкинс, официантка из закусочной «Дипломат» в Нижнем Монтегю, обнаружила, что прошлой ночью ее пикап «Шевроле» последней модели был угнан со стоянки противоестественно худым вором. Эдкинс позвонила на на-

шу бесплатную телефонную линию после того, как местные ищейки жестокосердно и язвительно отвергли ее обращения, сочтя их – мы цитируем – «смехотворными» и «безумными».

– Я знаю, кто украл мой чертов пикап, – сообщила нам Эдкинс. – Доходяга Марвин¹.

Неизвестный мужчина, которому на вид было 38–44 года, с короткой стрижкой и в мешковатой одежде, зашел в «Дипломат» в 9 часов вечера. По словам Эдкинс, мужчина находился в состоянии крайнего истощения.

– Тощий! Вы не поверите, – рассказала Эдкинс нашим бесстрашным собирателям правды, – никогда в жизни не видела, чтобы человек был таким исхудавшим. И *голодным*.

Эдкинс поведала, что неизвестный съел пять порций «Завтрака для Изголодавшегося мужчины», каждая из которых состояла из четырех яиц, трех оладий, пяти ломтиков бекона, сосисок и тостов.

– Он съел у нас все яйца подчистую, – сказала Эдкинс. – Просто закидывал их в рот и просил добавки. Его живот, должно быть, раздулся как барабан. Он... ну, он... когда я вернулась с третьей, а может, и с четвертой порцией завтрака, то застала его за поеданием салфеток. Он вытаскивал их из салфетницы, жевал и проглатывал.

Неизвестный расплатился по счету и ушел. Вскоре после этого Эдкинс вышла на улицу и обнаружила, что ее пикап

¹ *Доходяга Марвин* (англ. *Starvin' Marvin*) – маленький эфиопский мальчик из сериала «Южный Парк».

украден, – еще одно злонамеренное оскорбление!

– Я особо-то и не удивилась, – сказала официантка, – тот человек выглядел отчаявшимся во всех смыслах слова.

И после недолгого молчания она добавила еще одну ужа-сающую деталь:

– Я слышала, как что-то шевелилось у него внутри. То есть под кожей. Знаю, звучит глупо.

Неизвестный по-прежнему остается на свободе. Кто он та-кой? Откуда взялся? Осведомленные люди – а наши постоян-ные читатели понимают, о ком мы говорим: правительство, Секретная служба, Тамплиеры, Иллюминаты, обычные тем-ные личности, – не готовы делиться информацией... Но мы рыщем повсюду, копаемся в секретных файлах, исследуем каждую легальную наводку, которая поступает на нашу го-рячую линию.

Что-то недоброе творится в сонном округе Принс. Ни один человек не может быть *настолько* голодным.

ЕСЛИ ВАМ ПОНРАВИЛАСЬ ЭТА СТАТЬЯ, ВЫ ТАКЖЕ МОЖЕТЕ НАСЛАДИТЬСЯ И ДРУГИМИ:

- ЧИЗБУРГЕР УБИВАЕТ КОСМИЧЕСКОГО ПРИ-ШЕЛЬЦА!
- ВЕЛЬЗЕВУЛ ЗАХВАЧЕН ВОЕННЫМИ В ИРАКЕ!
- МАЛОЛЕТНЕЕ ИСЧАДИЕ АДА БЕСНУЕТСЯ В ТЬЮ-ПЕЛО!

• ЧУПАКАБРА ВЫСОСАЛА КРОВЬ У МАЛЫША В
ОБЩЕСТВЕННОМ ПАРКЕ!

* * *

ЕСТЬ ЕСТЬ ЕСТЬ ЕСТЬ

Катер подпрыгивал на волнах, гул мотора шлейфом тянулся за ним по заливу Святого Лаврентия. Месяц казался костяным рыболовным крючком в ясном октябрьском небе.

Человек на борту катера был мокрым от брызг, хлеставших по планширу. Очертания тела проступали сквозь отсыревшую одежду. Мужчину легко можно было принять за брошенное на фермерском поле пугало с вырванной падальщиками набивкой.

Он украл катер с причала Норд-Пойнта, самой дальней оконечности острова Принца Эдуарда, добравшись туда на пикапе, угнанном со стоянки у закусочной.

Господи, до чего же он голоден. Хотя так объелся в придорожном кафе, что разорвал слизистую оболочку желудка: прямо сейчас содержимое кишечника просачивалось сквозь треснувшие ткани в полость между органами. Впрочем, мужчина об этом не знал, да и в нынешнем состоянии ему было бы все равно. Так приятно было заполнять пустоту... но это как забрасывать землей бездонную яму – можешь швырять лопату за лопатой, но мало что меняется.

Пятьдесят миль назад он притормозил на обочине, заметив в канаве тушку енота. Раздавленного. Сквозь мех белел позвоночник. Потребовались огромные усилия, чтобы

не дать себе перевести рычаг коробки передач в нейтральное положение, заползти в канаву и...

Он удержался. В конце концов, он все еще оставался человеком.

Муки голода прекратятся, убеждал он себя. Ведь желудок не бездонный – это же вроде научный факт? Но то, что происходило с ним сейчас, было ни на что не похоже.

В голове, словно слайд-шоу, проносились образы любимых блюд, заботливо сервированных, сияющих, аппетитных и слишком *совершенных*, как будто они сошли с глянцевого страниц журнала «Бон Аппетит» – вызывающая пародия на еду, чертовски сексуальная, вычурная и развратная.

Он видел вишневое варенье, вытекающее из ломтика слоеного пирога. Головокружительно округлые ягоды, похожие на налитые кровью глазные яблоки, увенчанные огромной шапкой взбитых сливок...

Вспышка.

Толстый, будто словарь, стейк на кости, которая выглядит из жирного, зажаренного до хруста мраморного мяса, а поверх него оплывает кусочек приправленного травами масла; стейк едва ли не вздыхает, когда в него вонзается нож, мясо отделяется с покорностью хорошо смазанных дверей...

Вспышка.

Вспышка.

Вспышка.

Чего он сейчас *не* съел бы? Он *жаждал* того енота. И ока-

жись теперь у его тушки, сорвал бы с драного меха затвердевшие лохмотья сухожилий, раздавил бы череп и сквозь осколки добрался бы до мозга, который был бы таким же вкусным, как мякоть грецкого ореха.

Почему он просто не съел эту чертову тварь?

Придут ли за ним? Скорее всего, да. Ведь он не только доказательство их неудачи – запоротый дубль в обличье человека, – но и хранитель тайны. А он еще очень и очень *токсичный*. По крайней мере, так они говорили.

Он не хотел никому навредить. А мысль о том, что, возможно, уже навредил, приводила его в уныние. Как там сказал Эджертон?

«Если это всплывет, Тифозная Мэри² покажется всем Мэри Поппинс».

Но он не был злодеем. Его просто загнали в угол, и он поступил так же, как любой человек в подобном положении, – сбежал. А теперь его преследуют. Попытаются ли его схватить и вернуть к Эджертону? Оставалось только гадать, осмелятся ли они теперь так поступить.

Возвращаться он не собирался. Он будет прятаться и оставаться в тени.

Его согнуло пополам, и он едва свалился за борт. Голодные спазмы грызли внутренности. Мужчина сморгнул едкие

² Мэри Маллон (1869–1938) была первым человеком в США, признанным бессимптомным носителем брюшного тифа. Она не верила в свой диагноз и работала поваром, из-за чего до принудительного заключения в карантин стала виновницей смерти примерно пятидесяти человек.

слезы и увидел яркую точку, танцующую на горизонте.
Остров? Огонь?

* * *

ДОКЛАД О ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ КАНАДЫ

Остров Фальстаф

Расположен в пятнадцати километрах от северной оконечности материка. Самая высокая точка – 452 метра над уровнем моря. 10,4 километра в окружности.

Имеет два места для высадки: одно на западном мысе, другое на северо-восточном выступе. Над северным берегом возвышается гранитный утес, уходящий примерно на 200 метров в изогнутую каменистую бухту.

Местность покрывают зимостойкие травы, кустарники, дурман, сумах оленерогий и лесная голубика. Обилие растительности поддерживает низкий уровень солей в грунтовых водах острова. Верхний слой почвы размывают сильные ветра и осадки.

Населен бурно разрастающимися колониями птиц, морских и сухопутных млекопитающих, рептилий и насекомых. Пеликаны, чайки и другие морские птицы гнездятся на северных скалах. Основные ресурсы – лосось, треска, лещ,

морской окунь. Летом у берегов острова греются морские львы, привлекая стаи косаток. Присутствуют местные популяции некрупных, но выносливых енотов, скунсов, дикобразов и койотов. Здешние экземпляры не такие крупные и упитанные, как их материковые собратья.

Единственное приспособленное для зимних условий жилище принадлежит правительству, находится в его же ведении и служит убежищем в чрезвычайных ситуациях, а время от времени местом для проведения образовательных пикников.

Постоянная человеческая деятельность отсутствует.

* * *

2

ТИМ РИГГС – скаут-мастер Тим, как звали его подопечные, – пересек главную комнату хижины, направляясь на кухню, где достал из буфета кружку. Расстегнув рюкзак, он отыскал бутылку «Гленливета».

Мальчики лежали в кроватях – *не спали*, заметьте; им только разреши – полночи проведут без сна, рассказывая истории о привидениях. А он частенько это позволял. Никто никогда не назвал бы его кайфоломом. Кроме того, для некоторых мальчишек такая поездка была почти каникулами. И для Тима она тоже становилась отпуском.

Он налил себе бодрящего виски и вышел на крыльцо. Одежда ночи укрывало тихий и спокойный остров Фальстаф. Прибой с грохотом обрушивался на берег в двухстах ярдах ниже по пологому склону. Звук напоминал раскаты грома, который обрушивался на землю.

На крыльце жужжали комары. Мотыльки бились бледными тельцами об одинокую лампочку. Ночная прохлада. Лунный свет пробивался сквозь переплетения обнаженных ветвей. Ни одного высокого дерева – остров представлял собой торчащую из океана голую скалу с редкими заплатками почвы. Деревья выглядели одинаково безобразными, точно дети, вскормленные на прокисшем молоке.

Тим покатал во рту виски. Как единственному врачу на

северном побережье острова Принца Эдуарда, ему непозволительно было употреблять алкоголь публично. Но здесь, за много миль от работы и обязанностей, которые та налагала, выпивка казалась обычным делом. И даже обязательным.

Тим наслаждался этими ежегодными поездками. Кто-то считал бы это странным – разве с него не довольно одинокой жизни на мысе, в продуваемом всеми ветрами доме? Но уединение ощущалось совсем иначе. Два дня они с мальчишками будут предоставлены сами себе. В единственной на острове хижине и на нескольких тропах в округе. Сегодня вечером их вместе с припасами высадил катер, который должен вернуться в воскресенье утром.

Поездка едва не отменилась. Прогноз погоды обещал шторм в выходные. Синоптики сообщали, что с Северного моря надвигается один из тех нашпигованных грозowymi тучами монстров, которые изредка проносились по островной провинции, – одновременно и бури, и торнадо, они срывали с крыш черепицу и выдергивали молодые деревца. Но судя по последним синоптическим картам, шторм поворачивал на восток, к Атлантике, где и обрушит свою ярость на бескрайние и пустынные воды.

На всякий случай Тим позаботился о том, чтобы батареи морской радиостанции были полностью заряжены. Если небеса начнут предвещать недоброе, он сообщит на Большую землю, и их заберут пораньше. По правде говоря, ему не нравилось, что нельзя обойтись без коротковолнового при-

емника. У Тима были строгие правила в этом походе. Никаких телефонов. Никаких игровых приставок. Еще на пристани в Норд-Пойнте он заставил ребят вывернуть карманы и убедился, что они не пытаются провезти контрабандой то, что связывало бы их с Большой землей.

Но, учитывая погоду, коротковолновое радио было неизбежным злом. Как говорится в справочнике скаутов: «*Всегда будь готов*».

Из спальни донесся лающий смех. Кент? Эфраим? Тим не придал шуму значения. В их возрасте мальчишки были существами огромной силы, машинами, работающими на тестостероне и адреналине. Он мог бы ворваться к ним, шикнуть и цокнуть языком, напомнить о долгом дне, который ждет завтра, – но зачем? Они веселились, а энергии у отряда всегда было с избытком.

Все дело в том, что Тим так же нуждался в этой поездке, как и его подопечные. Он был холост и бездетен, а когда тебе уже сорок два года и ты живешь в маленьком городе, где почти нет шансов сходить с кем-то на свидание, то и надежды изменить положение не остается. Тим вырос в Онтарио и переехал на остров через несколько лет после окончания резидентуры, купил дом на мысе, научился ставить ловушки для омаров – *видите? Я стараюсь стать одним из вас!* – и усвоил здешний ритм жизни. Черт, даже в голосе появился намек на местный говор. И все же на него смотрели как на пришлого. Люди вели себя с неизменным дружелюбием

и уважительно относились к его умениям, но в жилах Тима текла кровь жителей материка, на нем стояло клеймо Торонто, большого города, снобизма богатых по отношению к нищим работягам острова Принца Эдуарда. В этих краях *кто* ты так же важно, как и *откуда* ты. Как говорится, кровь не водица, и на острове держались своих.

К счастью, скаутам было все равно, что Тим «пришлый». Он был лидером, о котором можно только мечтать, – знающий и спокойный, излучающий уверенность и укрепляющий их собственную веру в себя. Он изучил местную флору и фауну, умел ставить силки и разжигать костер одной спичкой, но самое главное – относился к ним с уважением. Даже если мальчишки не дотягивали пока до его уровня, то все равно чувствовали, что Тим признает их равными, как только они пройдут необходимые отроческие ритуалы. Родители тоже доверяли Тиму: все семьи были пациентами его клиники в Норд-Пойнте.

Ребята были спаянным отрядом. Впятером они вместе прошли ранги «бобрят», «медвежат», «разведчиков», а теперь стали «искателями приключений». Тим знал мальчишек с первого Собрания Ложи, где квинтет пятилеток неуверенно произносил клятву «бобрят»: «Я обещаю любить Бога и заботиться о мире».

Но этот поход станет их лебединой песней. И Тим понимал почему. Скауты были... Ну, *придурковатыми*. Дети нынешнего поколения не желали одеваться в бежевую форму,

повязывать галстуки и зарабатывать значки. Теперь движение переполнилось маленькими невоспитанными говнюками или раздражающими задротами, чьи пояса украшали гирлянды нашивок.

Эта же пятерка продолжала заниматься скаутингом под началом Тима просто потому, что им *хотелось*. Кент был одним из самых популярных мальчиков в школе. Эфраима и Макса тоже любили. Шелли был, конечно, чудиком, но никто его не обижал.

А Ньютон... Ну, Ньют был ботаником. Хорошим пареньком, невероятно умным, но, давайте смотреть правде в глаза, полнейшим ботаном.

И дело не только в лишнем весе – столь же непреодолимым социальном препятствии, что и заячья губа, прыщи или поношенная одежда. Нет, бедный Ньют, как иные бедолаги, просто *родился* ботаником. Окажись Тим в родильной палате, то почувствовал бы неуловимую и невидимую, но осязаемую сущность, которая, подобно феромонам, выплескивается из тела младенца. Тим представил, как акушер вручает Ньютона измученной матери и печально качает головой: «Поздравляю, мисс Торнтон, у вас здоровенький задрот. Он обязательно станет выдающимся человеком, но в обозримом будущем будет первоклассным заучкой и книжным червем до мозга костей».

Тим обнаружил, что каждый мальчишка источает свой запах – не исключительную обонятельную подпись, а мощную

эманацию, пронзающую все чувства. Например, запах хулигана – кислый адреналин с той резкой нотой, которая исходит от груды позеленевших старых батареек. Или запах спортсмена – ухоженная трава, измельченный мел и вонь раздевалки, доносящаяся от стопки тренировочных матов. От Кента Дженкса волнами исходил запах спортсмена. Других ребят, таких как Макс и Эфраим, определить было труднее. От Эфраима часто шел запах живого провода, силового трансформатора, взрывающегося во время ливня.

Шелли... Между глотками скотча Тим задумался и понял, что мальчик ничем не пах. Разве что чем-то едва уловимым. Стерилизованной комнатой в давно покинутом людьми жилище.

От Ньютона, однако, просто несло ботаном. Этот терпкий аромат ни с чем не спутаешь. Смесь запахов душных подвалов, сырых углов библиотеки, домиков на дереве, построенных для уединения, пыли, тлеющей внутри компьютеров, лакричного привкуса ингаляторов от астмы и чуть одуряющего запаха клея для моделей. Невыразимый букет замкнутости и бесконечного терпения. Со временем тело мальчика тоже менялось – он ссутулился, чтобы стать еще незаметнее. Так беззащитные животные изменяют внешность, стараясь спрятаться от хищников, а глаза их приобретают затравленное выражение.

Ньютон ничего не мог с собой поделаться. Это было частью его ДНК, неотделимой от прочих достоинств мальчишки.

Тим мрачно отмечал про себя, что достоинств было множество, но в таком возрасте они оставались совершенно бесполезными. Ньютон всегда был добр и вежлив, читал книги и явно старался самосовершенствоваться. И все это вместе было равносильно реву противОВОЗДУШНОЙ обороны в тихом пригороде: «ТРЕВОГА – БОТАН! ТРЕВОГА – БОТАН!» Тиму хотелось защитить Ньютона, и его огорчало собственное бессилие... Но, заступаясь за ребенка, взрослый лишь дает повод для новых издевательств.

Тим спустился с крыльца, чтобы выключить генератор, и на него набросились комары. Скаут-мастер чувствовал, как они слетались к затылку, словно пьяницы к стойке бара. Прихлопывая насекомых, Тим обошел хижину, для равновесия касаясь пальцами бревенчатой стены – все-таки он слишком быстро проглотил виски...

Комары занимали каждый дюйм обнаженной кожи, погружали в нее хоботки и впрыскивали зудящий яд. Тим наткнулся на генератор, ободрав голень о металлический корпус, и принялся нащупывать выключатель, одновременно отмахиваясь от вертевшихся кругом кровососов. Те, казалось, превратились в непроницаемую пелену, когда он наконец отыскал и повернул тумблер.

Свет на крыльце погас. В наступившей темноте комары как будто принялись множиться в геометрической прогрессии. Тим ощущал их повсюду: бескровные лапки танцевали на его плоти, уши наполняло сводящее с ума жужжание про-

зрачных крыльев. Тим начал с остервенением хлопать себя по бокам, едва сдерживая рвущийся из горла крик. Со всех сторон пульсировал гудящий, жалящий, ядовитый саван. Забирался в уши, щекотал в носу, разъедал уголки глаз.

– Кровожадные ублюдки...

Вслепую ухватившись за створку двери, Тим распахнул ее и ввалился на застекленную террасу. Он хлопал себя по спине, будто работник ранчо, отряхивающий пыль после падения с лошади, и наслаждался податливой хрупкостью тел насекомых.

Тим прерывисто выдохнул и безрадостно рассмеялся. Руки его были липкими от раздавленных комаров. Скаут-мастер подумал о Гулливере, связанном тысячами лилипутов. Прежде эта сцена не вызывала в нем страха, но на самом деле перспектива оказаться окруженным тысячами и миллионами врагов была довольно пугающей.

В наступившей тишине Тим услышал ровный гул, разносившийся над водой. Звук подвесного мотора. На Большой земле случилось ЧП? Нет, с ним бы связались по радио.

Тим вошел в хижину и проверил приемник. Тот басовито зашипел, а значит, связь работала. Рев мотора снаружи усиливался.

Скаут-мастер зажег керосиновую лампу и сел на террасе. Он скреб побелевшие волдыри от укусов на шее, запястьях и кистях. По коже побежали мурашки, а желудок болезненно сжался. Тим рассмеялся – растерянным, похожим на гуси-

ный клеткот звуком! – и провел ладонями по бугристой, точно апельсиновая корка, коже. Приятный привкус виски во рту сделался кислым, а мочево́й пузырь напрягся.

«Факт, который нельзя отрицать: злая выходка других становится нашим собственным злодеянием, потому что она воспламеняет зло в наших сердцах».

Карл Юнг. Выпускной курс по психологии. Юнг, как позже придет к выводу Тим, был хвастуном и чудаком, а его теории не имели большой ценности для врача из маленького городка, чья повседневная работа состояла из прививок от гриппа и вырезания выросших ногтей на ногах обветренных рыбаков. Поэтому Тим забыл и название книги Юнга, и имя своего преподавателя, но цитата вспомнилась целиком, будто слова просто выскочили из темного закутка памяти.

«Злая выходка других становится нашим собственным злодеянием...»

В чахлах деревцах мрачно гудел ветер, от кромки приборя доносились другие, менее объяснимые звуки, а Тим Риггс стоял на застекленной террасе, без всякой причины испытывая смутное беспокойство и ожидая появления неведомого зла.

ЕСТЬ ЕСТЬ...

Темно. Так темно.

Пусто.

Раньше здесь был свет. Он следил за ним. Как мотылек за пламенем. Теперь все исчезло. Осталась только безумная, царапающая глаза темнота... И голод.

Мужчина тащился по каменистому берегу, оступаясь на обкатанной водой гальке. Камни были скользкими от холодных, похожих на сопли водорослей. Мужчина зачерпнул темно-зеленые волокна и всосал их губами, будто ребенок, хлебующий яичную лапшу.

Там! Несется вперед, панцирь блестит в лунном свете. Песчаный краб. Человеческая рука схватила его – в плоть впился океанский холод – и сунула в рот. На языке задержались маленькие ворсистые лапки. Зубы сжались. В горло брызнула соленая слизь. В предсмертном спазме клешня отхватила кусочек языка, и к соли примешался отчетливый привкус крови. Мужчина судорожно проглотил подергивающиеся остатки краба, раздирая колючим панцирем мягкие ткани горла, которое теперь казалось таким *тонким* – не более чем мясистая дренажная трубка. Кожа пищевода натянулась, словно креповая бумага.

Показалась тропинка, протоптанная в высокой, по пояс,

траве. На травинке сидел черный паук. Мужчина зажал его между пальцами и, прежде чем тот успел вырваться, съел. Недурно, недурно. Сочно.

Человек прищурился. На склоне холма стояла огромная темная коробка, выделявшаяся на фоне бесформенной ночи. Слишком четкие пропорции, чтобы не быть рукотворными.

Изнутри коробки исходил слабый свет.

– ПАРНИ, вы когда-нибудь слышали о гуркхах?

Лицо Эфраима Эллиота маячило в свете фонарика, будто голова циркового оракула, лишенная тела. Остальные мальчишки лежали, опираясь на локти, и внимательно слушали.

– Это элитные солдаты, ясно? Из Непала. Мелкие. Пяти футов ростом. Практически жевуны³. Сумасшедшие придурки. Их с рождения только одному учат – убивать. Гуркхи – снайперы. Могут сбить пыльцу с задницы шмеля на расстоянии ста ярдов. А еще они мастерски владеют кукри – длинными изогнутыми ножами, которые очень остро затачивают. Могут ими человеческий волос рассечь... на три части.

– Seriously, Иф? – переспросил взъерошенный Ньютон Торнтон.

– Еще бы, – рассудительно произнес Эфраим. – Вряд ли кто-нибудь из вас знает, что тут у побережья затонул самолет с гуркхскими солдатами. Они возвращались домой после очень трудной миссии – окопная война, головы, насаженные на колья, и все такое. Эти парни почти помешались от крови, ясно? Правительство Непала, наверное, заперло бы их в какой-нибудь психушке, чтобы они никого не поубивали и не покалечили... Но домой они так и не добрались. Самолет упал прямо тут, над океаном.

³ Карлики, герои сказки Лаймена Баума «Волшебник страны Оз».

Шелли Лонгпре слушал внимательно. Взгляд обычно мутных глаз – глаза Шелли чаще напоминали кусочки грязного льда – теперь стал твердым и заблестел от любопытства.

– Они даже могут быть *здесь*, – добавил Эфраим, – на этом острове. Он уединенный, тихий. На Фальстаф почти никто не заявляется, кроме какого-нибудь чудного рыбака или... Ну, в общем... Нас. Скаутов пятьдесят второго отряда.

Макс Кирквуд поднял три пальца правой руки и торжественно произнес:

– Я обещаю делать все, что в моих силах, исполнять свой долг перед Богом, королевой и подчиняться законам скаутов отряда Орлят.

– Их тел так и не нашли, – сказал Эфраим, улыбаясь Максу. – Будь они все еще живы, то уже совсем бы свихнулись. Но даже если бы они *были* здесь и наблюдали за островом, существует способ от них спастись. Гуркхи нападают ночью, понятно? *Всегда*. Они бесшумно как смерть пробираются в хижины. Подкрадываются к кровати и ощупывают шнурки ботинок. Если те зашнурованы крест-накрест... – Эфраим резким движением провел большим пальцем по горлу. – Но если их зашнуровать по прямой, как это делают гуркхи, то вас оставят в живых. – Он зевнул. – Ну, спокойной ночи, парни.

Его фонарик погас. Вскоре на пол с глухим стуком рухнуло чье-то тело. Вспыхнувший снова фонарик осветил Ньютона, который сгрудился над своими ботинками.

– Так и знал, что ты сломаешься, Ньют!

Ньютон неловко сел и потер колени. В свете фонарика его бледная кожа казалась розовой, как у поросенка.

– Господи, ладно... – Ньютон, склонив голову, потер глаза. – Как тебе не стыдно, Иф, рассказывать такие жуткие вещи...

– Ньют, ты – ссыкун! – крикнул Кент Дженкс.

Шелли же просто наблюдал за происходящим, большие желтые глаза на молочно-белом лице придавали ему сходство с совой. Он не улыбнулся и не рассмеялся вместе с другими – его пустое лицо особо ничего не выражало.

– Эй, ребята! Хватит уже, – произнес скаут-мастер Тим, входя в комнату. – Шутки шутками, но, если кто-нибудь свалится с кровати, станет не до веселья. Прервемся на ночь, что скажете?

Ньютон поднялся, все еще протирая глаза, и с трудом забрался на верхнюю койку. Но сначала проверил, точно ли зашнуровал ботинки по прямой.

– Давайте-ка спать, – сказал скаут-мастер Тим. Ньютону показалось, что на лице командира промелькнуло напряжение, отразившись в глазах неясной паникой. – Завтра большой день.

Дверь захлопнулась. Ветер проносился над морем и завывал вокруг хижины. Бревенчатые стены меланхолично стонали, словно корпус старинного испанского галеона, о который бьются океанские волны. Мальчишки, тяжело дыша, ле-

жали на своих койках.

– Гуркхи доберутся до тебя, Ньют, – прошептал Эфраим.

ТИМ УСЛЫШАЛ человека еще до его появления. Услышал измученную шаркающую походку, похожую на поступь озадаченного медведя, который пробудился от зимней спячки.

По природе Тим был спокоен и невозмутим. Полезная черта для врача, если за один день перепрыгиваешь от утешения мальчишки со случаем обычной кори к введению трахеального стента в горло девочки, впавшей в анафилактический шок после укуса пчелы. Тим почти год провел в Афганистане с «Врачами без границ», а будь он по натуре трусом, ни за что не продержался бы так долго. Он привык склоняться к наиболее вероятным объяснениям, а от них хладнокровно прикидывать возможные последствия.

Факт первый: прибыла лодка. Возможно, с кем-то из родителей мальчиков – неужели Ньютон забыл свой ингалятор от астмы? Скорее всего, нет, поскольку Ньют редко что-нибудь забывал. Возможно, затонуло судно – к примеру, перевернулся траулер, ловивший минтая в западных водах, – и в лодке были потрепанные выжившие.

Тим мысленно переключился на профессиональный лад: если он верно предположил, то людям понадобится медик. Если потребуется, он окажет первую помощь прямо здесь и вызовет по радио вертолет медицинской службы.

Или это пьяница с Большой земли заблудился во время ночной рыбалки. В отличие от выпивох в родном городе Тима, которые шли к девочкам, едва закрывались бары, здешние искатели приключений отправлялись к воде. Мчали по океану на открытых моторных лодках и ревели, точно быки, подпрыгивая на волнах. Или глушили мотор, забрасывали леску и неторопливо удили рыбу. Именно так несколько лет назад на своей лодке насмерть замерз пьянчуга по имени Лестер Хэммс. Джефф Дженкс, начальник полиции Норд-Пойнта, обнаружил Лестера в семи милях от мыса: кожа у того покрылась инеем, будто кусок стейка в морозилке, задница примерзла к сиденью, а из ноздрей парой бивней торчали замерзшие сопли. Лодка Лестера дрейфовала по течению, еще немного – и ее вынесло бы на отмель. Тим представил, как окоченевший труп бьется о берег Гренландии, словно жуткий обломок коряги, и его с любопытством обнюхивает белый медведь.

Кто бы ни собирался появиться, Тим был уверен, что он или она не представляют особой угрозы... Уверен на девяносто девять процентов.

Факт второй: он с ребятами на изолированном острове в часе езды от Большой земли. Без оружия, не считая ножей – с лезвиями не длиннее трех с половиной дюймов, как указано в справочнике скаутов, – и ракетницы. Уже ночь. Они здесь одни.

Тим ботинком распахнул дверь, которая вела на крыльцо.

Та издала тонкий визг, словно ржавый гвоздь выдергивали из мокрой доски.

Скаут-мастер обошел хижину, чувствуя, как в венах на шее барабанит пульс. Комары плескались в бисеринках его пота. Стоило взять лампу, но животный инстинкт твердил. «Никакого света. Оставайся невидимым».

Вытащив складной нож, Тим прижал его к бедру. «Это нелепо, ты ведешь себя как идиот, как полнейший параноик», – отозвался разум, а первобытная сторона лишь бессмысленно гудела, точно улей африканских пчел.

Ветер завывал над землей, его рокот нарастал, проносясь над скалами и тонкими деревцами. Гулкий бормочущий звук напоминал детский шепот, поднимающийся со дна колодца. Резкие порывы хлестали Тима по ногам, ледяной холод пронизывал до костей. Что-то почувствовав, скаут-мастер прищурился и вгляделся в строй деревьев: там сгущались тени, обретая плотность и очертания.

Из спутанной листвы появилась фигура. Тим резко вдохнул. В свете необычайно яркой луны он разглядел существо, сотканное из самых черных кошмаров его детства, – гниющее чудовище, выбравшееся из моря.

Это был самый настоящий скелет, скрепленный веревками размокших мышц, плоть его спадала с костей серыми кружевными лохмотьями. Существо неуклюже двинулось вперед, глухо бормоча что-то себе под нос. Ужас пригвоздил Тима к месту.

Кошмарная тварь вышла на залитую лунным светом траву и оказалась всего лишь человеком. Но настолько исхудавшим, что жизнь в нем держалась лишь чудом.

Руководствуясь инстинктивным желанием помочь, Тим, не раздумывая, вышел из своего укрытия:

– С вами все в порядке?

Мужчина обратил на него ярко горящие глаза. Его взгляд был полон необъяснимого ужаса и отчаянной тоски. Пристальный и пронзающий, точно луч лазера, он нешуточно пугал Тима – незнакомец явно чего-то *хотел*. *Нуждался* в чем-то.

Мужчина приблизился, теребя пуговицы на рубашке, и провел дрожащей рукой по сальным волосам. Тим внезапно понял, что человек безотчетно старается придать себе приличный вид.

– У вас есть что-нибудь... поесть?

– Возможно, – ответил Тим. – Вы один?

Мужчина кивнул. Дрожащая струйка слюны скатилась по его губе, повисла и оборвалась. Кожа обтягивала череп, словно тонкая гофрированная бумага. Капилляры расползались по носу, щекам и шее, точно реки на топографической карте. Торчавшие из футболки руки казались собранными из деталей деревянного конструктора. Кожа полиэтиленовой пленкой оборачивала лучевую и локтевую кости, из-за чего локти выглядели завязанными на веревке узлами.

– А вы один? – спросил мужчина.

Безопаснее было с ним согласиться.

– Да, я провожу геологические исследования.

Мужчина поднял горсть комковатой земли и сунул ее в рот. Тим посчитал этот жест непроизвольным. Таким же рефлексом, как моргание.

– Ух! Эй, не стоит... есть это, – произнес Тим, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие. – У меня найдется еда.

Мужчина улыбнулся. Оскал смерти. Его губы были тонкими, бескровными. Десны сильно опустились, отчего зубы стали похожи на пожелтевшие клыки, стучавшие во рту, а между ними застряла темная земля.

– Еда, да. Так мило. Спасибо.

За годы врачебной практики Тим повидал немало отвратительных проявлений человеческого тела. Он опорожнял калоприемники. Видел пульсирующие опухоли, извлеченные из желудков. Но с таким необычным заболеванием никогда не сталкивался. От этого по телу Тима пробежала волна чистого ужаса.

«Отвратительный, – кричал его разум, – этот тип отвратительный...»

Вонь от незнакомца ударила Тиму в нос. Сильный фруктовый запах с примесью аммиака. Кетоз. Тело мужчины расщепляло жирные кислоты в безнадежной попытке сохранить работу жизненно важных органов. При сжигании кетоны издавали тошнотворно-сладкий запах – отчаянную вонь пожиравшего себя тела. Смерд, исходивший изо рта мужчины, на-

водил на мысли о корзине гниющих на солнце персиков.

Тим старался не вдыхать, опасаясь, что его вырвет. Мужчина, теряя равновесие, покачнувшись, скаут-мастер безотчетно обхватил его за талию и помог устоять на ногах.

Когда его рука скользнула по рубашке незнакомца, Тим почувствовал внутри *движение*. Под кожей что-то шевельнулось.

«Ерунда, – сказал он себе, – это просто газы. Может быть, даже часть грыжи кишечника. Одному Богу известно, что с ним творится».

Но, несмотря на все протесты разума, он не мог избавиться от ощущения, которое осталось на кончиках пальцев, – затаенное *движение* под кожей, как будто что-то отреагировало на его прикосновение, а затем снова успокоилось.

Словно мотылек к огню, мужчина устремился к освещенной фонарем хижине. Залитые лунным сиянием глаза казались парой перегоревших фитилей, вставленных в лишенную плоти маску. Тим инстинктивно выставил вперед руку. Ему не хотелось, чтобы этот человек находился в хижине вместе с мальчиками. Ни сейчас, а может быть, и никогда.

– Подождите-ка секунду, придержите лошадей, – сказал он, обращаясь к мужчине, точно к ребенку с гиперактивностью. – Вы заблудились? Вы хотя бы знаете, где находитесь? Я раньше вас тут не видел.

Незнакомец, всем телом навалившись на ладонь Тима, слегка покачивался. Давление усиливалось, ослабевало, сно-

ва усиливалось. У Тима возникло ощущение, что мужчина знал, какое отвращение вызывает у собеседника такой пульсирующий контакт с его кожей, покрытой маслянистым, точно осадок в старом двигателе, потом. Тим рассмеялся, будто все это было шуткой, каким-то странным недоразумением, но в его смехе раздавался ломкий дребезжащий отзвук, который напоминал безумное кудяхтанье.

– Я заблудился, – ответил незнакомец, – Потерялся и... *нездоров*. Всего на одну ночь. Утром я уйду. Пожалуйста, *накормите* меня.

– У вас есть семья? – Тим не мог объяснить, почему вопрос «Неужели подобного человека мог хоть кто-то потерять?» казался ему таким важным. – Вас кто-нибудь ищет?

Мужчина лишь повторил:

– Всего на одну ночь. *Еды*. Пожалуйста.

Тим размышлял. Он мог бы принести еду и дать незнакомцу насытиться в лесу. (Собственный выбор слов озадачивал, но выглядел верным: этот человек хотел не есть, а насытиться.) Тим мог бы даже закрыть мальчиков в спальне, исключив всяческие контакты. Оставить этого человека снаружи значило пойти против почти всех принципов клятвы Гиппократова, но определение приоритетов – один из аспектов хорошего врачевания. Всех не спасешь. Печальный факт жизни. Так что спасают или самых юных, или тех, у кого больше шансов выжить.

– *Пожалуйста*.

Мужчина изобразил самую жалкую улыбку. Мог ли Тим оставить его, одинокого и голодного, на улице? Сможет ли жить с таким пятном на совести?

Нет. Он со всем разберется. Примет все возможные меры предосторожности, но справится. Зловещая отрешенная улыбка не сходила с лица мужчины. Возможно, у него какое-то неизвестное Тиму заболевание – расстройство, ведущее к истощению? Или просто вышел из-под контроля какой-то банальный недуг?

– Вы сделаете так, как я скажу, – сказал он мужчине своим обычным голосом.

– Угу, – ответил тот.

– Если не сделаете, то я не пущу вас.

Тело незнакомца ударилось о ладонь Тима – твердая кость под тончайшим слоем плоти. Словно полиэтиленовый тент накинули на груды разбитых кирпичей.

– Тогда пойдёмте.

ТИМ ВЕЛЕЛ МУЖЧИНЕ лечь на изъеденный молью диван и принес с крыльца лампу.

При свете незнакомец выглядел еще хуже. Его кожа обесцветилась. Перед мысленным взором Тима возникла странная картина: фруктовый лед на дне стакана – весь сироп высосан, остались только бесцветные кристаллики.

Брюки крепко стягивал на талии оранжевый удлинитель. Сколько же этот тип весил раньше? Тим вывернул воротник его футболки. «XL», – гласила бирка. Господи. Казалось, одежду набросили на соломенное чучело, лишь отдаленно напоминавшее человеческое существо.

Подол рубашки задрался. Кожа на животе лежала складками, напоминая Тиму о шарпнях. Люди, которые перенесли урезание желудка с последующей резкой потерей веса, выглядели примерно так же. Они часто прибегали к подтяжке: пластический хирург отрезал от живота кусок кожи размером с кухонное полотенце и сшивал концы вместе.

Из спальни послышался тихий шепот. Наверное, ребята проснулись. Тиму нужно было разобраться в ситуации; ему не хотелось, чтобы пятеро сонных мальчишек, протирая глаза, пялились на мешок с костями, лежавший на диване.

– Парни, слушайте внимательно, – произнес он, открыв и быстро закрыв за собой дверь. – Кое-что произошло. Ниче-

го особенного. – «Верно ведь?» – Но вам лучше остаться в своих постелях.

– Что случилось, Тим?

Это спросил Кент, который в последнее время стал называть его Тим. Ронял авторитет скаут-мастера. Мальчишка сидел на краю кровати, сцепив руки и расправив плечи, точно борец, ожидающий вызова на ковер. Кент – даже в имени есть нечто напористое и агрессивное. Прозвище для альфа-самца, в одном ряду с Таннером, Четом и Броуди – именами, которыми родители одаривают сыновей, видя в них будущих адвокатов или тренеров по лакроссу. Ни один родитель, лелеющий надежду получить чуткого, артистичного ребенка, не назовет его *Кентом*.

– Там парень, – ответил Тим. – Не из местных, я никогда его не видел. Заявился из ниоткуда.

– У него есть палатка? – спросил Ньют, упираясь толстым подбородком в матрас. – Он турист или типа... искатель приключений?

– Насколько я могу судить, нет. – Тим опустил на колени посередине круга мальчишек. – Кажется, он болен.

– В смысле – болен? – прошептал Эфраим.

Тим задумчиво втянул воздух:

– У него что-то вроде лихорадки. Он очень худой. И просит еды.

– Может быть, он – гуркх, – прошипел сквозь зубы Шелли.

– Он не гуркх, – ответил Тим и стиснул зубы, чтобы сдер-

жать нарастающую тошноту: вонь от незнакомца просачивалась под дверь, наполняя комнату запахом гнилых персиков. – Он... У него может быть что угодно, ясно? Может, он был в другой стране, в другой части света, подхватил там вирус и привез с собой.

– Надо связаться с Большой землей, Тим, – сказал Кент. Скаут-мастер скрипнул зубами.

– Да, Кент. Я думал об этом, и, да, так и поступлю. Но до тех пор мне нужно, чтобы вы, ребята, остались здесь. Это понятно?

– Тебе не нужна помощь?

– Нет, Кент, не нужна, – продолжал Тим. – Я ведь врач, так? Сейчас для этого парня я – лучший вариант. Но мы пока не знаем, с чем имеем дело, так что тут для вас самое безопасное место.

Тим открыл дверь. Слабый свет фонаря упал на напряженные, встревоженные лица мальчишек – всех, кроме Шелли, который безучастно смотрел на затянутый паутиной потолок. Скаут-мастер закрыл дверь, на мгновение задумался, а затем взял стул и подсунул его под ручку.

Тим пересек гостиную, подошел к радиоприемнику и переключил частоты, настраиваясь на волну экстренной связи. Здесь у него был только медицинский набор, лишь немного превосходивший стандартную аптечку для выживания в дикой местности. Кое-что он добавил из личных запасов. Но если сообщить об этом по радио, то медицинский вертолет

могут выслать из самого Шарлоттауна и...

– Р-р-р-р-ры-ы-ы-а-а-а!

Мужчина поднялся с дивана и, покачиваясь, будто моряк на гонимой штормом лодке, бросился к Тиму. Одним быстрым движением незнакомец схватил со стола приемник, поднял его над головой и швырнул об пол. Радио разлетелось на куски под визг обратной связи. Из лопнувшего корпуса брызнули искры, над сгоревшей проводкой поднялись клубы вонючего дыма.

Мужчина с безумной силой топтал останки радио. Тим протянул руки, чтобы остановить его, и опрокинул фонарь. Свет погас.

В темноте скаут-мастер схватился с незнакомцем. Все равно что драться с мешком змей или стальными тросами, покрытыми холодным, маслянистым и мерзким зернистым жиром.

– Черт подери! Успокойся!

Мужчина зарычал. Свирепо звенящий серебром звук разрезал темноту точно лезвие циркулярной пилы. Незнакомец захаркался, и что-то влажное и теплое брызнуло Тиму в лицо. Тот пронзительно взвизгнул – ничего не смог с собой поделать – и принялся яростно вытирать щеку.

Тело мужчины внезапно обмякло. Тим боролся с желанием отшвырнуть его, как хочется отшвырнуть обмазанный жиром манекен.

«Отвратительно! ОТВРАТИТЕЛЬНО!» – гремело в голо-

ве.

Скрипнула ручка, затем последовала череда резких ударов, и дверь задрожала, ударяясь о стул. Тим представил, как Кент бьет в нее плечом, пытаясь разнести в щепки.

– Тим! Тим, открой дверь!

Тим подвел мужчину к дивану, неуклюже ориентируясь в темноте. Ощупью нашел лампу и снова зажег. Принес аптечку. Разорвал пачку стерильных салфеток и яростно протер все места, до которых дотрагивался незнакомец, особенно лицо. На коже осталось что-то, вылетевшее у него изо рта, – Тим чувствовал постепенно исчезающее покалывание, кожа покраснела, будто от пощечины.

– Тим! – взревел Кент. – *Немедленно* открой дверь!

– Оставайтесь *внутри!* – закричал в ответ Тим. Вернее, завопил как кипящий чайник. – Еще раз попытаешься открыть дверь, Кент Дженкс, и, будь уверен, я позабочусь, чтобы твой отец об этом узнал.

Сердитые шаги Кента затихли. Затем заскрипели пружины кровати – мальчишка вернулся под одеяло.

Тим ввел незнакомцу сто миллиграммов доксиламина. Вены обнаружили легко – на сгибах локтей змеились синие трубки размером с железнодорожные развязки. После инъекции дыхание мужчины успокоилось.

Из уголка его рта сочилась зеленоватая жидкость. Так он плевался илом? Он что, ел его?

«Водоросли. Ладно, это всего лишь водоросли. Водоросли

не заразные. Водоросли, они просто... мерзкие».

Тим опустил руку на живот мужчины и снова почувствовал *это*. Едва заметное движение, будто гадюка устраивалась поудобнее под теплым одеялом.

«Просто перистальтика. У него сильная закупорка кишечника; ты нащупал всего лишь затянувшийся запор, этот тип старается вытолкнуть то, что у него внутри. Чем бы оно ни было».

У Тима сжались тестикулы. Он замер, живот свело от внезапного и необъяснимого страха. *Кто* этот человек? Господи, что с ним происходит? С чего, черт возьми, в голову пришло, что пустить его сюда – правильно и уместно? Частные клиники могут отказать в лечении, если посчитают состояние человека опасным для окружающих, – так что, во имя всего святого, натворил Тим, превратив хижину на уединенном острове в травмпункт?

Он потянулся к футболке мужчины, ведомый ужасным порывом задрать ее. Но даже его обычно нездоровое любопытство сейчас не желало связываться с незнакомцем. Тим *не хотел* ничего видеть. Только не ночью, не в темноте и одиночестве.

Но ведь он же не один. Тим повернул лампу к двери в спальню, стул по-прежнему был на месте.

– Всё в порядке, – отодвинув его и тихо войдя к мальчикам, произнес Тим, – Пожалуйста, ложитесь спать.

– Кто он? – Голос Кента утратил свою громоподобность,

вопрос задавал испуганный ребенок, оказавшийся слишком далеко от дома.

– Как я уже сказал, незнакомец. Тот, кто нуждается в помощи, и поэтому я ему помогаю. Не знаю, откуда он. Он даже не смог назвать своего имени. Он едва способен говорить. А сейчас спит.

Тим видел, что его ответ лишь еще больше встревожил ребят, но не мог им дать более ясного объяснения. Все это напоминало медицинский сериал, в котором в отделение скорой помощи прибывают пациенты с таинственными недугами – белобрысый мальчик с кровавыми слезами; королева выпускного с раздутой, как пляжный мяч, головой, – и только сидящий на таблетках гениальный врач способен распознать по глазной жидкости разрыв волосяного покрова или обнаружить глубоко в слоях таламуса близнеца-паразита. Но дело в том, что Тим был всего-навсего деревенским костоправом, ничем не примечательным и без особых амбиций. И до сих пор это не становилось проблемой.

– И чем он болен? – спросил Макс.

Тиму трудно было встречаться глазами с их вопросительными взглядами, ведь он и на самом деле ни малейшего понятия не имел. Но как взрослый и авторитет – моральный и прочий, – обязан был что-нибудь сказать. Хотя бы для того, чтобы развеять их страх, даже если его собственный только нарастал.

– Он смирный, ребята. Я видал и похуже. – Его самого

потрясло то, как легко слетела с языка ложь. – Мы отвезем его в больницу, и пусть там разбираются.

– А радио?

– Не смогу прямо сейчас выяснить, – ответил Тим Эфраиму. – Оно сломано.

– Как так вышло? – спросил Кент. – Это же наш единственный...

– Он добрался сюда на лодке, ясно? Если потребуется вернуться на Большую землю, вернемся. А теперь. Отправляйтесь. В *кровати*.

Тим развернулся и закрыл за собой дверь. Справа от него с трудом дышал незнакомец. Лицо его излучало неземной свет, словно по жилам тек фосфор. От этого человека исходило слабое мерцание, как от ядовитых грибов, которые росли в сырых пещерах острова.

Перед глазами Тима возник образ, выдернутый из самых глубин памяти. Лицо мужчины с парковки. Тиму тогда было пять лет. Мать взяла его за покупками. Подземная парковка была почти пуста. Они прошли мимо огромной цементной колонны, одной из несущих опор, что удерживали супермаркет от обрушения, которое погребло бы их под стеллажами с замороженным кукурузным супом и хлопьями для завтраков. К колонне что-то прислонялось. Возможно, куча размокших пакетов с мусором. Эта груда зашевелилась, и наружу высунулось лицо. *Теперь* Тим убедил себя, что тот человек, наверное, стал жертвой банальной нищеты, пьянства,

наркотиков и болезней... Но ребенком он видел совсем другое.

Лицо мужчины казалось неестественно черным, походило на иссохший, сгнивший банан, позабытый на дне вазы с фруктами. Маленький Тим был уверен, что стоит прикоснуться к этой коже, и пальцы провалятся внутрь. Нос мужчины словно вдавило или разъело – над потрескавшимися, раздутыми, покрытыми непонятной пленкой губами зияла дыра.

У Тима тогда перехватило дыхание, он поднял глаза и увидел испуг матери, отчего его ужас лишь усилился.

Состояние мужчины казалось невероятным – ничто на этой планете – ни болезни, ни стихии, ни пытки – не могли сотворить *такое*. Он походил на жертву похищения мстительной расой инопланетян, которые творили с ним жуткие вещи, унижали его неопишуемым образом, а затем вернули на землю, чтобы посмотреть, как на это отреагируют представители его вида.

«Он побывал в аду», – наивно думал Тим.

Хуже всего был взгляд мужчины – ведь дело всегда во взгляде, правда? Что-то продолжало теплиться в его спокойных карих глазах. Там ведь ничего не должно было быть, верно? Лишь поражение, муть и пустота, под стать телу. Но в глубине его глаз таились ум и ясность. И это было самым страшным – ему пришлось столкнуться с разрушением собственного тела. Он сознавал свою гибель. Но как же ему бы-

ло с этим совладать?

Мужчина ни о чем не просил. Он просто наблюдал. Холодные оценивающие глаза притягивали взгляд к его трагическому лицу, пока Тим с матерью не скрылись из виду.

Стоило вспомнить ту историю, как из пелены беспокойства, которая окутывала скаут-мастера, вынырнуло безумное визжащее лицо ужаса. Кошмарное лицо того человека. А потом снова исчезло.

Тим провалился в беспокойный сон. Незадолго до рассвета он, сам того не осознавая, поднялся с кресла и спотыкаясь побрел к кухонным шкафчикам.

* * *

Новости из Монтегю (ОПЭ),
«Островной вестник», 21 октября

ВОЕННЫЕ ОЦЕПИЛИ ПРИЧАЛ НОРД-ПОЙНТА, УСТАНОВИВ ЗАПРЕТ НА ПОЛЕТЫ И ПЕРЕДВИ- ЖЕНИЕ ПО ВОДЕ

Военные нагрянули в крошечный городок Норд-Пойнт (население – 5766 человек) рано утром. Жители проснулись от грохота бронетранспортеров на сонных улицах.

«Они размолотили весь тротуар, – рассказала нам Пегги Стилс, владелица кафе «Остров» на Мейн-стрит. – На мо-

стовой полно дыр».

Конвой направился к причалу Норд-Пойнта. Была успешно возведена линия ограждения, охватывающая береговую полосу и прилегающие районы. Жители заметили, как пара вертолетов «Апач» прочесывала акваторию Норд-Пойнта.

Около 10 часов утра было выпущено официальное сообщение, которое строго запрещало перемещение в водах к северу от острова. По каналу экстренного морского вещания передали предупреждение кораблям, поскольку акваторию Норд-Пойнта пересекают коммерческие рыболовные суда, а иногда и океанские лайнеры.

Находящиеся на месте событий военные отказываются комментировать ситуацию. «Вестник» попытался связаться с военной пресс-службой, но звонки журналистов до сих пор остаются без ответа.

* * *

МАЛЬЧИШКИ ПОДНЯЛИСЬ вместе с дремотным полумраком рассвета. Луна одиноко висела на западе, точно грустный засидевшийся гость.

Никто из ребят не выспался. Они слышали, как скаут-мастер Тим входил в дом вместе с незнакомцем. Тот не произнес ни слова, но они учуяли его запах – приторный и мерзкий, как от жижи на дне мусорного бака в парке развлечений. Пока скаут-мастер возился за дверью спальни, Кент приподнялся на локтях:

– Пойду-ка проверю.

Кент Дженкс *всегда* должен был проверить, и не важно, что именно. Здоровяк был полон непоколебимой уверенности, что стоит ему вмешаться, и станет только лучше – как будто одно его присутствие способно исправить положение. Он и в «бобрятах» был таким, а поскольку обладал внушительным – даже угрожающим – видом, остальные мальчишки обычно подчинялись его воле.

То же самое происходило и в школе. Кент был тем самым парнем, который бодается с вами у питьевого фонтанчика – *буквально* бодается: крепкий пинок может отправить вас в полет, – говоря «Выбываешь» и панибратски хлопая по спине. А голос его был на целую октаву ниже, чем у других ребят. Он был тем самым парнем, который выхватывает ваш

сэндвич из вошеной бумаги, в которую завернула завтрак ваша мама, откусывает огромный кусок, говорит, брызгая яичным салатом: «Ты ж не против?» и идет дальше. Хотя на самом деле злым он не был. Макс думал о нем как о сенбернаре – большом и слюнявом, немного туповатом и забывающем о своей силе, но отзывчивом. Однако Кент постоянно подначивал и задибался. Часто было проще уступить место в очереди или позволить откусить сэндвич.

В последнее время Кент часто бросал вызов взрослым, проверяя, как далеко сможет зайти. Поднимал руку на уроке и с широкой улыбкой спрашивал учителя: «Да неуже-е-ели?» Еще он начал называть учителей по имени. После уроков мистер Рейли был уже просто Эрлом. Мальчишки ждали того дня, когда Кент неторопливо войдет в учительскую, откусит кусок от ланча учителя физкультуры и скажет: «Ты ж не против, Джордж?»

Когда Кент вылез из постели и направился к двери, возразил только Ньютон:

– Лучше не надо, Кент. Скаут-мастер...

– Заткнись, оладья, – огрызнулся Кент, его небрежный тон даже нельзя было назвать презрительным, таким говорят с залаявшим псом. – Если бы я хотел узнать твое мнение, я бы...

– В самом деле, братан, – сказал Эфраим. – Не ходи туда.

Кент моргнул и с любопытством склонил голову. Из всех парней только Эфраим его беспокоил – пряталось в Ифе что-

то слегка безумное, вроде горящего шнура пороховой бочки. И от этого Кенту было тревожно.

– Назови хоть одну причину, почему нет, чувак.

– Потому что, – просто ответил Эфраим.

– И все? Причина – *потому что*?

– Ага, – сказал Эфраим.

– Спасибо, Иф, – произнес Ньют.

– Заткнись, свиная отбивная, – отозвался тот.

Потом в спальню вошел скаут-мастер Тим и сказал, что им лучше не отрывать задниц от кроватей. Вскоре после этого в соседней комнате поднялась суматоха: крик незнакомца – «Рррррыыыааа!» – потом звуки потасовки, грохот и едкий запах дыма вперемешку со сладковатым зловонием гнили.

Кент вскочил с кровати и яростно атаковал дверь, пытается выбить ее плечом. Та не поддавалась, но Кент продолжал бросаться на нее всем телом, как и поступал всегда – швырял свое бездумное тело на любое препятствие с железной уверенностью, что оно в конце концов поддастся. Он сдался лишь после того, как скаут-мастер пригрозил пожаловаться отцу: Кент отошел от двери, дыша как бык, в его широко расставленных и слегка туповатых глазах отражалась унылая, тусклая ненависть.

Около четырех часов утра Ньютон резко сел в постели. Его разбудили звуки открывшейся и захлопнувшейся дверцы шкафчика. После раздался... хруст. Монотонный, медлительный, тихий.

– Макс? – прошептал мальчик. – Макс, ты спишь?

– Иди спать, Ньют, – ответил Макс с нижней койки, его голос так охрип ото сна, что слова слились воедино: «ИдиспатьНьют».

Ньютона шокировало то, что Макс и остальные могли дрыхнуть под эти запахи и жуткие звуки из-за двери... Может, Макс просто не хотел их обсуждать и поэтому притворялся. Может, он думал, что солнечный свет – лучшее лекарство от всех страхов.

НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ СПУСТЯ лучи солнца просочились сквозь пожелтевшее от древесной смолы окно, и в застоялом воздухе заискрились пылинки. Мальчишки встали, молча натянули толстые свитера и зашнуровали ботинки. Эфраим поймал взгляд Макса, вопросительно поднял бровь и одними губами произнес: «Ты в порядке?»

Тот пожал плечами, слабо улыбнулся и завязал шнурки двойным узлом. Он, как и все, чуял слабый сладкий запах, доносившийся из гостиной, где спал скаут-мастер. И странный хруст Макс тоже слышал.

Его дед был фермером. Последние несколько лет он платил Максусу и Эфраиму по семнадцать долларов в день за то, чтобы они бросали куриные кости в «челюсти» – промышленную дробилку из нержавеющей стали, стоявшую в сарае. Дед покупал кости на птицефабрике в Саммерсайде по доллару за мешок. Официально они назывались «побочным

продуктом животного происхождения», так же как и коровьи лепешки, свиное дерьмо и куриные перья. Макс с Эфраимом разрезали джутовые мешки и сбрасывали гремящие кости в воронку «челюстей». Грязная и слегка жутковатая работа. По-настоящему островная – утомительная и тоскливая, такая, понятное дело, должна нравиться любому мальчишке.

По крайней мере им приходилось выполнять ее вместе. Макс и Иф были лучшими друзьями. Много лет неофициально, но несколько месяцев назад они скрепили дружбу: швейцарским ножом Эфраима сделали неглубокие надрезы на больших пальцах, прижали их друг к другу и торжественно произнесли: «Друзья навеки». Они стали больше, чем ЛД – они теперь были ДН.

Едва кости оказывались в воронке, дед Макса включал машину. Шестеренки быстро справлялись с делом, и, когда открывался бак молотилки, внутри оказывалась куча мелкого белого порошка.

«Костная мука, – говорил дед. – Волшебная штука, ребята. Кости – первое дело для выращивания овощей.

Услышав это, Макс удивился, почему тогда фермеры не засаживают картофелем кладбища... Ответ дошел до него очень быстро.

Прошлой ночью, тихо лежа в постели, Макс гадал, проснулся ли Эфраим. Слышал ли он этот хруст? И если да, то подумал ли о том же, о чем и Макс, – о том, что с похожим звуком дробятся крошечные хрупкие косточки в стальных

зубах «челюстей»?

РЕБЯТА ОДЕЛИСЬ и вслед за Кентом отправились на кухню.

Слабо улыбающийся Тим встретил их в соседней комнате. На диване лежал укрытый одеялами незнакомец. Единственное, что мальчики смогли разглядеть, – очертания его лица: впалые щеки и глаза, зубы, чуть прикрытые побелевшим ободком губ.

Вокруг кресла Тима валялись крошки. Ньютон заметил такие же на жилете скаут-мастера, хотя большую часть тот стряхнул. В мусорном ведре виднелась огромная коробка из-под соленых крекеров и несколько скомканных целлофановых оберток.

Тим перехватил взгляд Ньютона:

– Полуночный жор напал, мальчики. Пришлось приглядывать за этим парнем.

Оглядев кухню, Ньют заметил разбитую рацию. Грудь пронзил страх. «А вдруг начнется буря? Что же нам делать?» Он настороженно осмотрел хижину: каркас выглядел достаточно прочным, но крыша была старой. Ньют знал, на что способны бури поздней осенью. Несколько лет назад одна такая обрушилась на остров, протащила по улице и швырнула в канаву машину. Ньют наблюдал за всем из окна закусочной Дэна на Филлипс-стрит. Буря волокла по улице выдавший виды «Додж- Дарт», который старики называли «две тонны

детройтской стали». А за рулем сидел такой же древний водитель – Элджин Тейт, учитель музыки, который давно ушел на пенсию. Ньют видел, как у него побелели костяшки пальцев и вспотело лицо, а ветер раскачивал машину, отчего она то балансировала на двух боковых колесах, то падала обратно под грохот треснувшей оси. Затем ветер подул с новой силой и начал упрямо волоочь автомобиль через обе полосы в канаву. Шины «Дарта» дымились, Тейт пытался вернуться на мостовую, но багажник перевалился за край канавы, а передние колеса задрались, беспомощно вращаясь. Как только буря утихла, Тейт вылез из окна и, пошатываясь, выбрался на дорогу. Его седые волосы стояли дыбом, и он улыбался, словно человек, обманувший смерть. «Геенна огненная! – Прежде Элджин Тейт вообще никогда ни на кого не кричал. – Геенна огненная и адские муки!»

– И что мы будем делать? – спросил Ньют.

– Именно это я и пытаюсь выяснить. – Тим ткнул пальцем в незнакомца. – Он явно болен. А еще, как видите, разбил наше радио. Не знаю почему. Возможно, у него неприятности. Может быть, даже с законом. Я, конечно, не знаю, кто он такой.

– А как насчет его бумажника? – сказал Эфраим.

– Я проверил. – Тим неосознанно тер руки друг о друга, словно мыл их. – Карманы пустые.

– Он *сам* выглядит пустым, – тихо произнес Шелли.

Мальчишки мимолетно поглядывали на незнакомца, а по-

том так же быстро отворачивались. Ньют задрал голову, как будто не мог даже посмотреть перед собой.

– Наверное, он не всегда так выглядел, – предположил Кент.

– Конечно, нет, – отрезал Тим, раздраженный их неприкрытым отвращением. – На всякий случай я связал ему руки и ноги. Кто знает, что еще он решит испортить.

– Да, хорошая идея, – сказал Шелли. – Я имею в виду, что он может сойти с ума. И убить нас всех мясницким ножом.

Тим взглянул на высокого стройного паренька с пустыми серыми глазами, нахмурился, а потом произнес:

– Хочу кое-что спросить у вас всех. И хочу, чтобы вы ответили честно. Обещаю, что не буду сердиться. Скажите, кто-нибудь из вас взял с собой телефон?

– Вы же сами запретили нам их брать.

– Знаю, что запретил, Ньютон. Но еще я знаю, что подростки не всегда делают то, что им говорят. – Тим посмотрел на Эфраима. – Так как?

Эфраим покачал головой:

– Я подумывал об этом, но...

– Черт, – прошипел Тим, выдавливая это слово сквозь сжатые зубы. Он ощутил странную сладость, резкий привкус сахара на языке. – Послушайте, мальчики, все будет хорошо. Честно. Случилась непредвиденная ситуация, вот и все. Меня беспокоит только одно: этому парню нужна медицинская помощь. А у меня нет подходящего оборудования.

– Ты сказал, что он приплыл на лодке, – заметил Кент.

На рассвете Тим ходил на пристань. Но лодку завести не смог. Исчезли свечи зажигания. Мог ли этот человек открыть их и... Что? Выбросить в океан? Спрятать? Зачем ему это делать?

– Да, лодка есть, – признал Тим, – Оливера МакКэнти, судя по всему. Ты же знаешь, какая она маленькая. Все мы на ней вернуться не сможем.

– Кто-то из нас сможет, – ответил Кент, – и передаст моему отцу, что случилось.

Отец Кента был шефом полиции Нижнего Монтегю. Джефф Здоровяк Дженкс. Ростом в шесть футов и семь дюймов, весом в двести пятьдесят фунтов, он являл собой первоклассную плоть правоохранительных органов. Почти каждый вечер старший Дженкс объезжал город на патрульной машине. «В которой похож, – думал Тим, – на орангутанга, втиснутого в кухонный шкафчик». Впрочем, на лице шефа отражалась печаль – возможно, оттого, что он считал вселенской несправедливостью получить от Бога такое большое и сильное тело и не иметь возможности использовать его в борьбе с достойными противниками. Но Дженкс выбрал неподходящую для подобных мечтаний юрисдикцию: в округе Монтегю самым опасным злоумышленником был Слик Роджерс, местный самогонщик, чьи перегонные кубы иногда взрывались, выжигая акры кустарников.

– Вы, ребята, отправляйтесь в поход, как и было заплани-

ровано. В любом случае вы собирались идти одни, как то и требуется для прохождения испытания. Так что просто позаботьтесь о себе и проложите путь назад. Без моей помощи.

– Это безумие, Тим! – Кент ткнул толстым пальцем в незнакомца. – Мы должны нейтрализовать угрозу. – Одна из любимых фраз его отца. – Иначе... иначе...

Кент замолк, слова застряли у него в горле. Тим положил руку ему на плечо. Мальчик сощурился – в тот момент Тим был уверен, что Кент стряхнет руку. Но этого не произошло, и скаут-мастер произнес:

– Сейчас мы должны сохранять спокойствие и следовать установленному плану.

– Но теперь все по-другому. План – это... Это *пиздец*.

Ньютон потрясенно выдохнул. Никто не должен так разговаривать со взрослым. Со своим *скаут-мастером*. Глаза Тима сурово заблестели. Рука на плече Кента напряглась, ногти впились в ткань, едва не разорвав ее.

– Закон скаутов номер семь, Кент. Повторяй.

Кент вцепился в ладонь Тима. В глазах мальчишки застыло пришибленное, виноватое выражение.

– «Скаут...» – тихо произнес Тим. – Давай говори. «Скаут...»

– Скаут подчиняется своему... – подсказал Ньют.

– Тихо, Ньют, – сказал Тим, – Кент и сам знает.

– Скаут... Подчиняется... – Слова с огромным трудом слетали с губ Кента.

– И кому же он подчиняется?

– Он подчиняется своему скаут-мастеру без...

– Без *чего*, Кент?

– ...без вопросов. Он должен поступать так, как поступают солдаты и полицейские: он должен исполнить приказ, нравится это ему или нет, потому что таков его долг.

– И после того как исполнит, – продолжил Тим, – он может прийти и изложить любые доводы против. Но приказ он должен исполнить немедленно. Это и есть дисциплина.

Тим ослабил хватку; Кент отступил, потирая плечо. Скаут-мастер указал на пару портативных раций, которые лежали на столе.

– Если попадете в переделку, свяжитесь со мной. Мы ведь много занимались ориентированием, верно? Тут ничего нового. Утро прекрасное, а прогноз ухудшения погоды не обещал.

Никто не возразил скаут-мастеру. Никому не хотелось оставаться в хижине с... *этим*. Они были рады сослаться на особую привилегию детства, которая гласит: «Пусть старшие разбираются». Все ошеломительное и пугающее для детских мозгов рассеивалось как дым, когда за дело брались взрослые. Взрослые были Наладчиками, они были Решателями.

Мальчишки по-прежнему доверяли Тиму. Даже Кент. Поэтому они выйдут под ясное осеннее солнце и, наполняя легкие свежим воздухом, будут бороться, бегать, смеяться и наслаждаться свободой от этой странной ответственности, в

чем бы она ни заключалась. А когда вернутся, все снова будет хорошо. Мальчишки искренне в это верили, поскольку до сих пор эта истина оставалась неоспоримой.

На самом деле Тим собирался пойти с ними. Но ему нужно было время, чтобы понять, что, черт возьми, происходит с незнакомцем. К тому же исчезновение свечей добавляло беспокойства. И не только потому, что отрезало их от Большой земли. Ведь что за человек способен вывести из строя свое единственное средство для побега? Преступник? Возможно, беглец. Или человек, стремящийся к смерти.

Тим собирался спуститься к океану, как только ребята уйдут, закатать штаны и отыскать эти чертовы свечи. Как ни крути, мальчишки у него находчивые. И на острове им ничего не угрожает. На Большой земле опасностей куда больше: пневматика, велосипеды-внедорожники, Слик Роджерс. Ребята несколько часов проведут в походе, выполнят все задания следопытов и вернутся к ужину – к тому времени он уже разберется с этим бардаком. Тим тоже верил в силу взрослых.

Во всяком случае, сегодня он не был готов к пешим прогулкам. Надеясь, что мальчишки не заметят волнения в его глазах, Тим кинул быстрый взгляд на лежавшего на диване мужчину. То место, куда попала мокрота незнакомца, горело невыносимым жаром; Тим представил, как она проедает кожу насквозь, вообразил зияющую на щеке дыру – блестящие соединительные ткани челюсти, железные пломбы, поблес-

квивающие в зубах – и тряхнул головой, отгоняя это видение.

Может, он и сам чем-то заболел? Лихорадкой?

Морите холод голодом, накормите лихорадку, верно?

Да, это *определенно* лихорадка.

Тим взял одну из раций. После недолгих раздумий отдал ее Максу, не обращая внимания на раздраженный взгляд Кента. Затем коротко отсалютовал мальчишкам:

– Вы получили приказ на марш, пехота.

* * *

От отряда 52:

*Наследие модифицированного эхинококка*⁴

(ПО ВЕРСИИ ЖУРНАЛА «GQ») АВТОР КРИС ПАКЕР

ГОЛОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК. Нулевой пациент. Тифозный Том.

До того, как он стал известен под этими именами, его знали как Томаса Генри Пэджетта.

Том родился в Сент-Катаринсе, Онтарио, в 1100 милях от острова Фальстаф, где умер тридцать пять лет спустя. Согласно записям больницы Сент-Катаринс Дженерал, при рождении Томми весил девять с половиной фунтов.

– Он был пухлым ребенком, – рассказывает его мать, Клэр

⁴ *Эхинококк* – класс ленточных червей отряда циклофиллид, опасные для человека паразиты.

Пэджетт, – пухлым ребенком, потом пухлым подростком. В «Хадсонс Бэй» я водила его в секцию «Хаски Бойз»⁵.

Она сидит на кухне и листает фотоальбом. Для ее сына время замерло на этих заламинированных страницах. Вот младенец в ванночке, мама втирает ему в волосы детский шампунь. Вот малыш, одетый на Хеллоуин в костюм гигантской тыквы. У Тома открытая улыбка и непослушные рыжие волосы. На одной из фотографий он строит на пляже замок из песка, через резинку плавок перевешивается живот.

– Он любил покушать, – говорит Клэр Пэджетт. – По крайней мере, в детстве. Потом стал старше и начал стыдиться. Ему не нравилось быть пухлым. Дети, понимаете? Они любят тыкать в самое уязвимое место.

Клэр Пэджетт совсем не похожа на своего сына. Кажется, что она способна питаться исключительно сигаретами «Плеерс Лайт» – Клэр безжалостно выкуривает их одну за другой, зажигая новую от тлеющих угольков павшего собрата. Это невероятно сухопарая женщина – тело ее создано исключительно с утилитарными целями, без излишеств.

– Крепкий парень, – говорит она о своем сыне. – Мальчишки считали, что раз Том толстый, значит, он – слабак. Но он мог постоять за себя. После того как Том разбил несколько носов, издевки по поводу его веса прекратились.

Как бы колки ни были те школьные насмешки, после смерти с ее сыном обошлись куда более жестоко. Посмотрите

⁵ Отдел одежды для мальчиков нестандартных размеров.

рите на его прозвища в СМИ. Съедобный Человек. Мистер Дриш. Подумайте о том, какое наследие оставил человек, который мог бы запустить эпидемию страшнее Черной Смерти. Вспомните, что доктор Дэвид Хэтчер, глава Центра инфекционных заболеваний, метко назвал его «сбежавшим биологическим оружием».

Том Пэджетт был очернен учеными и политиками всего мира за... За что?

За то, что стал пешкой в чужой игре? За то, что присоединился к доктору Клайву Эджертону, прозванному Джозеф Менгеле 2.0? За то, что оказался тем самым мелким преступником, который все-таки *принял* предложение Эджертона?

Нет. Тома Пэджетта ненавидят за то, что сбежал. Сбежал, не сумев по-настоящему осознать масштабы того, в чем принимал участие. Но главным образом Тома ненавидят за то, что он отчего-то решил, будто сумеет победить монстра, скрывающегося у него внутри.

Том Пэджетт не знал о том, что умер задолго до того, как добрался до острова Фальстаф. Его тело просто еще не успело получить уведомление. И за это Тома ненавидят.

– Наверное, некоторым покажется забавным то, что Том был толстым ребенком. – Клэр Пэджетт улыбается, но в ее улыбке нет ни капли радости. – Да, я думаю, люди определенного сорта найдут это очаровательно ироничным, учитывая, как все в итоге вышло.

МАКСИМИЛИАН КИРКВУД и Эфраим Эллиот дружили с двух лет. Хотя Макс и сомневался, что все было именно так.

Но, во всяком случае, они постоянно находились рядом, с тех пор, как им исполнилось два года: мама Макса каждое утро подбрасывала его до дома миссис Эллиот и всегда оплачивала услуги няни наличными, как того требовала подпольная экономика острова. Миссис Эллиот рассказывала, что мальчики были лучшими друзьями, делились кубиками, пили из одной чашки, но Макс этого не помнил так же, как свое рождение или появление первого зуба. Но когда вспыхивало какое-нибудь воспоминание – как будто выключатель *щелк!* – то в нем обязательно был Эфраим.

Более странной парочки было не сыскать. Порывистый Эфраим, настоящий сгусток хаоса, – сто сорок фунтов напряженных мышц, упакованных в длинное беспокойное тело. Даже воздух, казалось, мерцал вокруг рук и плеч Ифа, совсем как от крыльев летящего колибри. А крупный Макс – не толстый, а скорее плотный – обладал сверхъестественным для своего возраста спокойствием; мальчишку легко было представить в позе лотоса на пляже Норд-Пойнта – безмятежного, с закрытыми глазами, погруженного в дзен.

У них не должно было получиться. Таким разным харак-

терам, точно магнитам с одинаковой полярностью, следовало оттолкнуть друг друга. Но случается и обратное.

Летними ночами Макс и Эфраим пробирались сквозь заросли сухих трав, покрытых белым инеем соленых морских брызг, к утесам за домом Макса. Ребята разбивали палатку на самой высокой вершине, откуда огни окон казались булавочными головками посреди темноты. Мальчишки лежали под сводом бескрайнего неба – гораздо более необъятного, чем в городе, где то же самое небо подпирали здания, а отсветы фонарей замазывали звезды. Некоторые созвездия ребята различали – их научил этому скаут-мастер Тим, хотя только Ньютон потрудились заслужить знак отличия по астрономии. Они же узнавали только самые простые – Большую и Малую Медведицу.

– Совсем не похоже на медведя, – как-то вечером сказал Макс.

– С чего бы? – Ответ Эфраима прозвучал сердито. – Люди пытаются, типа, выстраивать звезды на свой вкус. Думаешь, Большой Босс, Великий Создатель, Будда, Летающий Макаaronный Монстр или кто-то там еще сказал: «Сделаю-ка я так, чтобы эти пылающие шары газа складывались в медведя или гребаную ложку, чтобы болваны на камне номер пять тысяч семьдесят девять не путались»? Дануконе-е-ечно, – фыркнул он, соединив все слова в одно.

Они разговаривали о том, о чем должны разговаривать лучшие друзья. О глупостях. О любимых конфетах (Макс –

мармеладные «рыбки», особенно редкие фиолетовые; Иф – карамельный попкорн, который, как заявлял Макс, конфетами не был, но Иф утверждал, что тот тоже сладкий, так что подходит); о том, у кого сиськи больше – у Сары Мэтисон или Трини Данлоп (оба соглашались, что технически у Трини больше, однако Эфраим придерживался мнения, к сожалению не подтвержденного практикой, что у Сары мягче); о том, существует ли Бог (оба верили в высшую силу, однако Иф считал, что церкви обращаются со своими прихожанами как с банкоматами); и о том, кто победит в поединке – зомби или акула?

– Естественно, зомби, – сказал Иф. – Он ведь уже мертв, верно? Его не напугать... Эй, а какая акула-то? Песчаная? Белоногая? Песчаную я бы победил!

Макс покачал головой:

– Большую белую. Самую крутую в океане.

– Пфффффф! – отозвался Иф. – Косатки делают всех больших белых. Но в любом случае я-то говорю о зомби. Он один раз укусит – и победа: акула стала зомби!

– Кто сказал, что акулы превращаются в зомби?

– Все превращается в зомби, Макс-и-миллион.

– Неважно. Я говорю – акула. Знаешь, какая у них толстая шкура? Я был на пристани, когда пришел траулер с мертвой мако. Эрни Пагг попытался разделать ее и сломал нож. Все равно что пытаться проколоть шину. Кто сказал, что старые гнилые зубы зомби тоже не сломаются? И вообще, что, ес-

ли акула откусит зомби голову? Зомби плавают плохо, у них руки гнилые и болтаются.

Иф задумался.

– Ну, если она откусит и проглотит голову зомби, то его голова окажется в брюхе акулы, а он все еще будет жив. Типа, зомби же живые, хотя на самом деле мертвые, но это не важно. И вот зомби сможет прогрызть кишки акулы изнутри. – Эфраим победным жестом вскинул кулак. – Зомби выиграл! Зомби выиграл!

– Да пошел ты к черту, – уступил Макс.

– Я побывал у черта, – сказал Эфраим, и его голос походил на рык Клинта Иствуда, – и не побоюсь вернуться.

Иногда их разговор совершенно случайно переходил на более важные темы. Однажды ночью, когда оба мальчика уже почти задремали, Эфраим произнес:

– Я когда-нибудь рассказывал, что папаша сломал мне руку? Мне тогда был всего год. Даже вспомнить не могу. Наверное, я кричал в своей кроватке, он пришел, весь такой злой, поднял меня, а моя рука застряла между прутьями, но он продолжал тянуть, пока она просто не пошла вразнос.

Он перекатился на спину и задрал рукав, показывая Максу бледный шрам ниже локтя.

– Кость вышла прямо отсюда. Короче, через три месяца он угодил в тюрьму. Я все еще был в гипсе. Но вот тебе самое странное, Макс. Два года назад я навещал его в тюрьме Сонной Лощины. Вместе с мамой. И вот мы сидим в комна-

те для посетителей, стулья и столы привинчены, телевизор в большой сетчатой клетке. Отец мало говорит – он всегда такой, понимаешь? – но смотрит на мою руку, видит шрам и спрашивает, откуда тот. Типа, он думал, что я сам это сделал. – Иф натянуто, отрывисто рассмеялся. – А мама отвечает: «Это ты сделал, Фред. Ты сломал ему руку в детстве». А отец просто смотрит на нее обалдело. Говорю тебе, Макс, клянусь Богом, он ничего не помнил. Типа, у него в голове дырка на месте этого воспоминания. Может, он даже помнит мою руку в гипсе, но не совсем помнит, как это произошло, понимаешь? Насколько я знаю, у него дыр в памяти как в швейцарском сыре, вот почему он сидит в тюрьме. Не может вспомнить ничего из того дерьма, что творит, – его разум все стирает, так что он просто делает одно и то же снова и снова.

Так выстраивается дружба. Из крохотных мгновений, из общих тайн. Мальчишки искренне верили, что навсегда останутся лучшими друзьями. На самом деле, пока лодка везла их на остров Фальстаф, Макс смотрел в затылок Эфраима и именно так и думал: «Друзья навеки, чувак. До самого конца времен».

К ТОМУ ВРЕМЕНИ как ребята взвалили на плечи рюкзаки и направились к началу тропы, небо затянули тучи. Отряд шел в том же порядке, что и всегда: во главе Кент – недавно он даже пытался прорваться вперед скаут-мастера, – затем Эфраим, Шелли и Ньют. Замыкал Макс, как обычно испол-

нявший роль пастушьей собаки.

Едва хижина скрылась из виду, Кент помахал Максу рукой.

– Лучше отдай мне рацию, – сказал он совершенно серьезно.

Рация не стоила стычки, а к ней Кент все и свел бы. Но бить бы не стал. Не в его стиле. Он зажал бы Макса в замок, повалил на землю и просто отнял рацию. Или, что еще хуже, заставил бы Макса отдать ее добровольно, до боли сжимая его шею в захвате.

В свои четырнадцать с небольшим Кент уже утратил детскую пухлость и выглядел достаточно взрослым. Судя по размаху и крепости плеч, из него мог получиться неплохой полузащитник. Мальчишки следовали за Кентом по той простой причине, что он был самым здоровенным и сильным из них. К тому же сам считал себя лидером. Не то чтобы его посещали самые блестящие идеи – обычно их путь легко было проследить до первоисточника, Ньюта. И не то чтобы Кент был таким же харизматичным, как Эфраим. Просто ребята были в том возрасте, когда физическая сила – самый верный признак лидера.

То немногое, что Кент знал о лидерстве, он перенял у своего отца, который повторял: «Все дело в том, как ты себя поставишь, сынок. Выпрямляйся во весь рост. Выпячивай грудь. Если выглядишь так, будто у тебя есть ответы на все вопросы, то люди, разумеется, станут думать, что ты все зна-

ешь».

Отец Кента, Джефф Здоровяк Дженкс, часто сажал сына в полицейскую машину и катал по городу – он называл это патрулированием. Кент любил такие поездки. Отец с суровым взглядом сидел, выпрямившись, на водительском сиденье, солнечный свет отражался от его значка, компьютер на приборной панели гудел от информации весьма деликатного свойства – информации, которой старший Дженкс с большой готовностью делился. «Несколько недель назад оттуда был звонок в полицию с просьбой о помощи, – он указывал на ухоженный домик под двускатной крышей, принадлежащий учителю математики мистеру Конкрайту. – Бытовая ссора. Гром в раю. Хозяйка ходила налево. Ты понимаешь, о чем я?» Когда Кент качал головой, отец объяснял: «Нарушала супружеские клятвы. Получала удовольствие в теплых объятиях другого парня. А? Ты меня понял? А другим парнем оказался Джордж Терли, твой учитель физкультуры».

Мальчик представлял себе, как Глория Конкрайт, невероятно полная женщина с платиновыми волосами и вздымающимися отвислыми грудями, которые вызывали у Кента путанные и смущающие желания, прижимается всем телом к мистеру Терли, который постоянно носит яркие короткие шорты на два размера меньше, чем нужно, – отец называл их яйцедавками, – а из V-образного выреза его футболки вечно торчат сальные волосы. Кент воображал, как мистер Терли дует в свисток, который всегда висит у него на груди, и под

эти радостные трели на него всем телом шлепается Глория.

«Нет хуже судьбы, чем быть рогносцем, – говорил отец. – Не позволяй бабам топтать свои яйца, а то войдешь во вкус».

Во время этих поездок, когда отец пересказывал все городские секреты и скандалы, Кент кое-что для себя уяснил: взрослые были трахнутыми. Абсолютно и беспросветно трахнутыми. Они сами делали то, что запрещали детям: обманывали, воровали и лгали, лелеяли обиды и не могли подставить другую щеку, грызлись, а самое поганое, они пытались юлить – валили свои грехи на других, отказывались брать ответственность. Виноват всегда был кто-то еще. «Во всем виноват человек с бляхой на холме»⁶, – говорил его отец, хотя Кент толком не понимал, что это означает. Уважение Кента постепенно улетучивалось. С чего бы ему уважать взрослых? Потому что они старше? Как их уважать, если с возрастом не приходила мудрость?

Кент осознал, что, как и его сверстникам, взрослым нужна твердая рука. Он равен им, а во многих отношениях даже лучше. Физически уж точно: Кент был на целую голову выше многих своих учителей и считал себя сильнее их, хотя никогда не проверял этого на практике. Но с моральной точки зрения он точно был сильнее. Как говорил его отец: «Сынок, мы – овчарки. Наша задача – кружить вокруг стада,

⁶ В альтернативной версии убийства президента Джона Кеннеди фигурирует пойманный в объектив фотоаппарата Мэри Мурман человек в форме с полицейскими знаками отличия, который стоял за оградой на холме. Из-за его позы в нем до сих пор подозревают еще одного снайпера.

кусать овец за пятки и держать в узде. Кусай их до крови, если понадобится, рви сухожилия, пока не подчинятся. Сперва овцы возненавидят нас – мы ведь сдерживаем их, мешаем им следовать своей неизменной природе, – но со временем начнут уважать и довольно скоро не смогут представить жизни без нас».

Переполненный чувством правоты, которое внушил ему отец, Кент протянул Максу руку:

– Отдай мне рацию, чувак. Ты же знаешь, что так и должно быть.

Когда Макс протянул ее, Кент хлопнул его по спине.

– Молодец, Макс. – И махнул рукой. – Вперед!

УЯЗВЛЕННЫЙ МАКС вернулся на свое привычное место в строю. Ньютон потянул его за рукав:

– Ты ведь понимаешь, что не должен был ее отдавать?

– Мне все равно. Она мне не нужна.

– Но скаут-мастер Тим дал рацию именно тебе.

– Да заткнись ты, Ньют.

Макс сожалел о своей грубости, но было в Ньюте что-то... *раздражающее*. Эта его фанатичная преданность правилам. Вроде истории с рацией. Да кому какое дело? *Неважно*, что скаут-мастер Тим отдал ее Макс, – сейчас они далеко, здесь действуют другие законы. Мальчишеские законы, в которых четко прописано: большие и сильные отнимают у маленьких и слабых, точка.

Было в Ньюте что-то такое, отчего Максу хотелось на него наброситься. Мягкая услужливость. Из пор Ньюта просто сочилась жалость. Для обычного пацана это все равно что кошачья мята.

Сегодня Максу отчаянно захотелось поступить с Ньютом по-свински. Это было как-то связано со странным незнакомцем и напряженным беспокойством, которое при взгляде на него возникло в груди Макса. Тревожила неестественная угловатость лица, словно начерченного с помощью циркуля и линейки со строгой математической точностью.

Разум Макса преувеличивал детали, превращая картинку в причудливое шоу ужасов: лицо мужчины *таяло*, кожа стекала, как теплый воск по свечке, впитывалась в диван, обнажались выбеленные кости черепа. Мозг Макса рисовал все в мельчайших подробностях, ковырялся в них, будто язык в язве на небе: разбитая радиостанция (зачем мужик ее разбил?), смятая коробка из-под соленых крекеров в мусорном ведре (их съел Тим?), колкая улыбка, приклеившаяся к лицу скаут-мастера: уголки его рта будто растянули рыболовными крючками.

Макс отогнал эти мысли. Скаут-мастер Тим сделал правильный выбор, отослав их. Здесь все было проще – сухой шелест листьев, цепляющихся за деревья, плеск волн о скалы. Макс взглянул на Ньюта – его широкая задница загромождала тропу, половинки покачивались в обтягивающих брюках. Он напоминал Максиму неваляшку из старых детских

игрушек.

«Неваляшки качаются, но не падают...»

Ньют никогда не падал. Он выдерживал издевки мальчишек со стоической твердостью, отчего делалось легче – Ньют ведь выдержит, верно? После сказанной приятелю грубости напряжение в груди Макса растаяло. Ужасно эгоистично, но чертовски правдиво.

– ЧТО БЫ вы выбрали, – спросил Эфраим, – съесть дымящуюся коровью лепешку или дать бродяге пернуть вам в лицо?

Это была одна из любимых ими игр, отличный способ скоротать время в долгом походе. Если бы отряд возглавлял скаут-мастер Тим, игра вышла бы гораздо «ванильней» – что бы вы предпочли: укус бешеной собаки или глоток кока-колы с осой? – но теперь, когда вокруг не было взрослых, она приобрела сальный оттенок.

– Какому именно бродяге? – уточнил Макс. Перед тем как сделать осознанный выбор, нужно рассмотреть вопрос со всех точек зрения.

– А что, есть виды бродяг? – сказал Эфраим, – Обычный вонючий старый бродяга, наверное. Из тех, что околачиваются на железнодорожной станции.

– А коровья лепешка большая? – отозвался Кент.

– Стандартного размера, – ответил Эфраим.

Ребята закивали, как будто его слов было достаточно, чтобы представить себе размер этой гипотетической лепешки.

– Бродяга болен или как? – спросил Макс. – Типа, у него задница гниет?

– Его дух болен, – сказал Эфраим после недолгих размышлений, – но анализы в порядке.

– Я бы съел коровью лепешку, – выбрал Ньютон.

– Вот так удивил, – ответил Эфраим.

В конце концов все согласились, что лучше все-таки коровья лепешка, чем вонючие волосатые ягоды неизвестного мужика, издающие влажное ворчанье перед твоим носом.

– Он бы тебе брови подпалил, – произнес Кент под одобрительный смех. – Он бы свою середку прямо на волосы тебе положил!

– Что бы вы выбрали, – продолжил Ньютон, – выступить перед всей школой или потерять плавки в общественном бассейне?

Эфраим застонал:

– Ну, черт возьми, Ньют, это такой отстооооой.

– Да, но, – пробормотал Ньютон, – ты ведь окажешься голым, правильно? Твоя пятая точка будет у всех на виду.

– Твоя *пятая точка*? – усмехнулся Эфраим. – Серьезно, *пятая точка*? Твоя маленькая розовая попка?

Он вытащил пачку сигарет и медную «Зиппо». Затем зажал в губах сигарету и прикурил эффектным жестом: провел зажигалкой вверх по бедру, откинув крышечку, а после быстро прокатил колесико по брюкам. Поднеся огонек к табаку, Эфраим произнес:

– На природе нет ничего лучше вкуса дыма.

Он был единственным из класса, кто курил. Свежее позерство. Эфраим покупал сигареты поштучно – четыре-пять зараз – у старшекласника по имени Эрни Смегг, чье пухлое

прыщавое лицо напоминало корзину бесплатных булочек.

– Неправильно куришь, – сказал Кент, – не так держишь.

– Что? – переспросил Эфраим. Он зажимал сигарету между большим и указательным пальцами, как держат трубку. – В смысле?

– Отец говорит, что так курят только французы, – ответил Кент. – И педики.

Челюсть Эфраима напряглась:

– Заткни свою гребаную пасть, Кей.

– Не стоит тебе курить, – суетливо вмешался Ньютон. – Мама говорит, что от этого легкие становятся черными, как прессованный уголь.

Эфраим вздернул подбородок:

– Да? Твоя мать такая тупая, что гелем для душа моет душ.

– Эй! – ощетинившись, рявкнул Кент. – Не трогай его мать, чувак.

Эфраим фыркнул, но все-таки сказал:

– Прости, Ньют. Так что выберете: подрочить ослу или сделать фистинг Кэти Райнбек?

Кэти Райнбек была милой девочкой, которую заклеямили в школе шлюхой из-за слухов – не подтвержденных никем, кроме Дуги Фезза, – что она мастурбировала этому самому Дуги и довела его «до кульминации» на заднем ряду кинотеатра «Норд-Пойнт». «Иисус на велике, она ж не понимала, что, на хрен, делает, – рассказывал на школьном дворе Фезз

выпучившим глаза мальчишкам, и в его голосе звучало испепеляющее презрение. – Это ей что, прополка сорняков в саду?»

– А что такое фистинг? – как и следовало ожидать, спросил Ньютон.

– Я бы подрочил ослу, – внезапно произнес Шелли. – Кто желает групповушку?

Ребята молча признали, что именно такой реакции можно было ждать от Шелли Лонгпре – умел он высосать жизнь из этой игры. Из любой игры, по правде говоря.

Восточную часть острова мальчишки прошли в тишине. Тропа становилась все хуже, пока не превратилась в полосу рыхлого сланца, окаймленную водорослями и колючим чертополохом. Она огибала отвесную скалу, обращенную к свинцовому морю.

– Нам туда? – спросил Ньютон.

– А куда ж еще? – с вызовом ответил Кент. – Тим нас не на прогулку для бабуль отправил.

Они начали подъем. Сланцевая тропа пролегла по гранитной скале такого же розового оттенка. Под ботинками то и дело осыпалась каменная крошка. Тропинка, которая вначале казалась вполне надежной, вскоре показала свой коварный характер и норовила выскользнуть из-под ног.

На середине пути она и вовсе сузилась. Мальчишкам едва удавалось поставить на нее обе ноги. Ниже пролегал крутой склон, покрытый тем же мягким сланцем. Камнем вниз с та-

кого не упадешь, но, оступившись, покатишься кубарем, отчаянно стараясь за что-нибудь уцепиться. А если не успеешь вовремя затормозить, то окажешься в холодном сером море.

– И чья ж это была светлая идея? – спросил Эфраим. Когда никто не ответил – не хватило ни сил, ни желанья, ребята полностью сосредоточились на задании, которое внезапно сделалось очень напряженным, – его взгляд остановился на Кенте, неуклюже огибавшем скалу.

«Ты – полный идиот, – подумал Эфраим. – Тупой кусок дерьма».

Мальчишки, прижавшись лицами к скале, неуверенно пробирались вдоль нее, запинаясь на каждом шагу. Ньютон вскрикнул, когда задел шершавый гранит носом и ободрал кожу. На голых камнях росли редкие сорняки, кончики их увядших листьев покрывала морская соль. И как что-то могло выжить в таком круто нависавшем над водой месте?

Кончики пальцев, точно лапки жуков, скребли по скале, отчаянно отыскивая опору.

– Хватайся, – сказал Эфраим, дотянув ладонь Шелли до нужного места. – Вот выступ. Чувствуешь? Вот.

Затем Эфраим развернул бедра и выбросил в сторону ногу, изобразив телом крест: одна рука держится за скалу, другая вытянута в сторону; одна нога стоит на тропе, другая нависает над волнами, которые разбиваются в сотне футов внизу.

– Я на вершине мира, мам!⁷

– Прекрати! – завопил Ньютон, его ноги задрожали точно желе, и он осел на каменный уступ.

– Хватит, Иф, – сказал Макс, пальцами впиваясь в скалу.

Эфраим прищурился, что указывало на назревающую в его голове выходку, но лишь качнулся назад к утесу.

– Береги шкуру, Ньют. Не доводи себя до инфаркта.

Эфраим, прижавшись лицом к камню, почувствовал, как бешено свистит его дыхание. Волны ритмично бились о скалы, море с бульканьем втягивало пенящуюся воду. Руки дрожали. Длинные сухожилия, тянущиеся вдоль икр, подергивались.

«Мы можем умереть. – Мысль лезвием гильотины пронзила мозг Эфраима. – Один поскользнется, другой попытается подхватить – закон скаутов номер два: скаут всегда предан своим товарищам; он должен оставаться им верным несмотря ни на что, – потом следующий и еще один, пока все не повиснем и не свалимся гирляндой бумажных человечков».

Идущий во главе отряда Кент уже понял, что выбрал неправильный маршрут. Но кто же в этом виноват? Тим, раз отправил их одних. Монотонный металлический гнев пульсировал в висках. Тупой Тим виновен в том, что разум Кента парализован страхом. Тупой, тупой, тупой...

⁷ Фраза из фильма 1949 года «Белая горячка» («White Heat»), где герой мстил за смерть своей матери, а в конце произнес эти слова перед тем, как под ним взорвалась цистерна с бензином.

По другую сторону коварного уступа тропа расширилась. Кент помог перебраться Эфраиму, затем Шелли, а после Ньюту и Максу. Ребята молча шли вдоль пологого подъема, обливаясь потом и тяжело дыша. Тропа выходила на плоскую скалистую площадку с видом на океан.

Эфраим обеими руками толкнул Кента в грудь. Тот отшатнулся.

– Отличная идея, гений.

– Это не моя... Я не нарочно. – Шея Кента сделалась пунцовой.

– Лучше не давать тебе ключи от самолета, чувак. – Эфраим задрал голову и почти уперся в подбородок Кента. – С твоим топографическим кретинизмом ты бы всех завез на Солнце.

Эфраим сжал кулаки. Кент знал, что тот не постесняется пустить их в ход. Иф ввязывался в драки. А Кент не так уж и часто. Конечно, он пихал других мальчишек и зажимал их шеи в захват, но никогда не дрался по-настоящему. *Не приходилось.* Он был крупнее, а это и пугало, и отбивало охоту на него наброситься.

Но сейчас перед ним стоял Эфраим – взведенная пружина из мускулов и раскаленной ярости – и бросал ему вызов. Волосы Кента от пота липли ко лбу. Кровь в черепе стучала в ритме хай-хэта. Он представил, как ему в подбородок прилетает кулак. Вообразил свое падение и боль в подвернутой ноге. От таких видений во рту сделалось кисло.

Эфраим пренебрежительно толкнул его:

– Гребаная прогулка для бабуль, да? Тупица.

Кент ненавидел внезапный позорный страх, который подступил к горлу и душил его, – ненавидел самого себя за то, что его чувствовал. Овчарка дала слабину и превратилась в овцу.

«Бе-е-е, – прозвучал в голове насмешливый голос отца. – Бе-е-е, бе-е-е, Кенти-бараш, сколько шерсти ты нам дашь? Дашь наверняка полных три мешка...»

Кент прикусил язык. Голос отца выключился, точно радио, а рот наполнился напоминавшим фольгу вкусом крови.

Они стояли на каменном мысе. Резкий просоленный ветер дергал и трепал одежду. За спинами пролегал темный лес. Кент прищурился, стараясь не смотреть на бьющиеся внизу волны. Примерно в миле от них пенный прибой накатывал на ржавый остов затонувшего грузового судна. На горизонте небо встречалось с морем. Кент не мог отделить одно от другого – море и небо спаялись в единое целое.

Внезапно раздался грохот. Над переплетением деревьев летел вертолет. Черный и на вид суровый – не грузовой и не экскурсионный.

Лица ребят расплылись в восхищенных улыбках. Они замахали вертолету. Тот поднялся в небо, развернулся носом вниз и резко опустился. Пульсация лопастей болезненно отдавалась в черепах мальчишек. Кент чуял запах смазки, которой механики смазывали роторы, – немного напоминало

вишневые леденцы.

Вертолет с хищной грацией поднялся, развернулся и скрылся над морем. Прищурившись, Кент сумел разглядеть вереницу приземистых темных силуэтов, вытянувшуюся перпендикулярно траектории движения вертолета.

– Корабли, – сказал Ньютон. – Похоже, они стоят на якоре. Военные иногда проводят здесь маневры... Но как-то *слишком много* кораблей.

– Может, китобойные суда, – предположил Кент. – Лучше будь начеку, Ньют, а не то они загарпунят твою жирную задницу.

Волна безудержного смеха захлестнула мальчишек, а Ньют снова устоял на воде. Кент приободрился. Равновесие восстановилось, он снова взял себя в руки – шутки над Ньютом никогда не подводили, – но на языке остался горький щелочной привкус, как будто он пососал старую батарейку.

* * *

ЖУРНАЛ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ДЕЛО 518С

РАЗДЕЛ Т-09 (личные вещи)

Журнал консультаций Эфраима Эллиота

Изъято из УЧАСТКА Т (Остров Принца Эдуарда, Норд-Пойнт, Элм-Стрит, 5) офицером Брайаном

Ладно, доктор Харли, вот оно. Одна страница, как вы и просили. Кто бы мог подумать, что психолог задаст мне до-машку!!!

Так, вы хотели, чтобы я рассказал историю. Просто историю о том, почему иногда, ни с того ни с сего, я начинаю по-настоящему злиться. Типа, реально, РЕАЛЬНО злиться и ввязываться в драки. Почему мне хочется врезать кулаком в стену или в морду какого-нибудь тупого придурка. Сначала я разозлился на вас за вопрос, ПОЧЕМУ я злюсь. ШЮЮЮ-ЮЮЮТКА! Но потом я думаю ладно, вы просто делаете свою работу (извините за мою орфографию и все такое). Так что вот.

Во-первых, я ЗНАЮ, что злюсь. Мама говорит, что у меня кровь отца. Мой отец реально плохой парень, ясно? Она боится, я стану таким же. Что заставляет меня злиться (шок!). Во всяком случае, я СТАРАЮСЬ сдерживать злость. Типа, когда я действительно злюсь, то делаю что-нибудь, чтобы выдать это из себя. Спускаю свой велик с дамбы или забираюсь на крышу школы. И ладно это РИСКОВАННО, я могу сломать свою тупую шею, как говорит мама... но злость проходит. Может, ее страх выталкивает? Не знаю почему. Я не ученый. Макс зовет меня дьяволом бешеным, но это не так. Для меня это как принять таблетку, потому что болит голова, или ту розовую штуку, потому что ноет живот. Ме-

дицына, верно?

Но именно это я и делаю, когда ЗЛЮСЬ. Вы спросили, ПОЧЕМУ я так поступаю.

Помните, цирк приезжал? Может, года два назад? Все в школе были в восторге. Он ведь НИКОГДА не приезжал. Так что мы все купили билеты и поехали, а это оказалась самая грустная штука в мире. Все животные были больны, кожа да кости и все такое. Шерсть выпадала здоровенными клочьями. Слоны унылые, хоботы в грязи. Ньютон Торнтон даже заплакал, представляете? Вот тряпка.

Помните, как один из зверей сбежал? Тигр. Вырвался из клетки и умчал в поля. Все ОФИГЕЛИ. Отец Кента ездил, высунув пистолет из окна полицейской тачки. Кот пропадал вроде 3 дня? Люди начали думать, что он утонул в море или типа того. Но однажды вечером я вытаскивал мусор на задний двор, а он там. Тигр в моем дворе.

Он был таким красивым. Толстее и шерсти больше, будто он отъедался. МЯСОМ. Его глаза блестели, как стеклянные шарики, как КОШАЧЬИ ГЛАЗА, так же. Он прятался в кустах возле сарая, но не мог совсем спрятаться, это ж ТИГР. И он меня тоже увидел. Я учуял его дыхание. Типа сырой печени, вроде той, что мама оставила в раковине на ночь (к тому же: я НЕНАВИЖУ печенку).

Может, он убьет меня? Вот о чем я подумал. Разорвет меня. Но еще я был рад его увидеть. Он дикий и очень особенный. Более особенный, чем здешние птицы, олени или

койдоги. Ему тут НЕ МЕСТО. Он особый дикий зверь. И... ладно, док, вот тут-то и начинается самое странное, но вы СПРОСИЛИ... Я чувствую то же, что должен чувствовать тигр. Типа, ЗАБЛУДИЛСЯ. Как будто на самом деле не подхожу этому месту... земле? Может быть, просто Норд-Пойнту. И я люблю свою маму и своих друзей. По большей части Макса. Но в некоторые дни чувствую себя тигром. Не ВСЕ дни, а некоторые. И вот тогда я начинаю злиться.

Тигр посмотрел в мои глаза и ДУШУ, потом зевнул, будто сонный, и перепрыгнул через забор, как вы перешагиваете через бордюры.

Я надеялся, что он будет жить, будет счастлив, заведет тигрят (КАК? На острове нет других тигров). Я надеялся на это... но отец Кента выстрелил в него, и он умер. Хренов отец Кента. Я ревел. Думаю, что это тоже нормально. Так ведь?

* * *

10

– *БОЖЕ... БОЖЕ МОЙ... что это такое?*

Эти шесть слов прозвучали из рации, прикрепленной к поясу Кента, в четыре часа пополудни.

– Тим? – произнес в нее Кент. – Тим, что случилось? Ты меня слышишь?

Ребята в ожидании окружили его.

– *Ничего страшного, мальчики,* – последовал ответ. – *Просто случайно сел на эту чертову штуку.*

Кент прищурился, сверкнув глазами:

– В чем дело, Тим? Прием, Тим.

Голос Тима звучал неровно, расстроено:

– *Почему рация у тебя, Кент? Я отдал ее Максу. Неважно, как у вас дела? Как проходит испытание?*

Рацией завладел Эфраим:

– Кент чуть не сбросил нас с обрыва.

Кент попытался выхватить ее обратно, но Эфраим спрятал руку за спину и снова вызывающе вздернул подбородок.

Тим помолчал. Затем из рации раздалось:

– *Надеюсь, ты шутишь. Где вы сейчас находитесь?*

Ньютон, сверяясь с компасом, назвал Тиму координаты.

– *Вы немного сбились с пути, но все будет хорошо. Идите дальше по тропе, ладно?*

Солнце висело низко на западе. Лучи, отражаясь от лист-

вы, превратили тополя и дубы в столбы пламени. Мальчишки спускались со скал, огибая северную оконечность острова. Ньютон держал курс по компасу.

– Ничего этого не случилось бы, пойди Тим с нами, – надулся Кент. – Это ведь его работа, так?

– Чушь собачья. – Эфраим издал резкий, лающий смешок. – Ты хотел поиграться в сраного короля, Кент. Ну и поигрался. Напяливай корону из дерьма.

Кент ссутулил плечи – защитная поза побитого пса. Ребята шли молча, пока Шелли не произнес:

– Кент прав, скаут-мастер должен был пойти.

Кент бросил на Шелли жалкий и благодарный взгляд. Затем ворвался в начало строя, который теперь возглавлял Эфраим, и локтем оттеснил того в сторону, перехватывая инициативу. Шелли мимолетно улыбнулся. Уголки его губ слегка приподнялись, никто и не заметил. Шелли умел оставаться в тени и не бросаться в глаза.

Ребята наткнулись на большую грудку камней, покрытую губчатым мхом, и решили сыграть в Царя горы. Они часто так развлекались, но в этот раз игра стала особенно напряженной – это была уже не столько забава, сколько битва. Мальчишки изо всех сил старались подавить нервную дрожь – ощущение, корни которого скрывались в хижине. Толкаясь, пихаясь и потея, они старались избавиться от скопившегося внутри страха. Так хорошая гроза разметает невыносимую жару летнего дня.

Кент принял на себя командование холмом и сильными толчками отражал нерешительные атаки остальных. Он блокировал плечом вялую попытку Макса и напряг бицепсы, приняв защитную стойку подающего надежды полузащитника. Угасающее солнце, пробиваясь сквозь ветви деревьев, отразилось от брекетов.

– Давай же, Иф! Валяй, рискни!

Эфраим стоял у подножия холма, скрестив руки на груди и обхватив локти ладонями.

Худой мальчишка – настолько тощий, что мог бы проскользнуть в сливное отверстие, как говорила его мать, – но с мощной и подвижной мускулатурой, с твердыми, точно каменный уголь, локтями и коленями. Он думал о мантре своего психолога, доктора Харли: «Не будь рабом своего гнева, Эфраим».

Это было так *сложно*. Гнев бурлил в нем, как тот дурацкий гейзер в Йеллоустонском парке – Старый Служака. Только гейзер вроде как *верно служил*, по нему можно было часы сверять. А гнев Эфраима возникал из ниоткуда, головокружительным зарядом пронзал кости и наполнял электричеством мозга. Ярость его была как темное облако, которое внезапно закрывает солнце, хотя всего мгновение назад небо было ясным и голубым.

– Что, трусишка? – Кент замахал руками. – Цыпленок, чик-чирик!

Верхняя губа Эфраима приподнялась, обнажив зубы, и с

диким гортанным рыком он рванул вверх по каменной насыпи, чтобы сцепиться с Кентом. И увидел в глазах соперника подползающий отчаянный страх. Страх поражения, страх перед тем, насколько далеко способен зайти Эфраим. А тот уже предвидел, с какой легкостью разделается с соперником. Видел, как кулак взлетает над неповоротливыми руками Кента, разбивает в кашу, расплющивает толстые слюнявые губы об острые скобки, рассекает кожу. Видел, как здоровяк падает, точно куль с грязным бельем, а сам Эфраим продолжает его преследовать. Кулаки работают, будто поршни, уничтожая мужественную симметрию чертова лица Кента Дженкса...

Эфраим увидел все это в тот миг, когда забрался на вершину замшелой кучи камней. Довольно тупой приз, по правде говоря. И тут силы Ифа иссякли от близости расправы и сознания того, на какую жестокость он способен. Кент воспользовался моментом и сбросил противника вниз. Затем принял позу бодибилдера: по-крабьи согнутые руки, на лице карикатура на деспотичного монарха.

– Я... теперь... непобедим!

Эфраим нахмурился и потер локоть – кожа была ободрана, кровь, медленно сочась, стекала к запястью.

– Не круто, большой Кей.

Эфраим углядел Ньюта, соскребающего с бревна мох. Ньют всегда уходил запихнуть дурацкие листочки в свой дурацкий блокнот и черным маркером занести все в каталог.

Восточный сумач. Индийский табак. Боже, какой придурок!

Эфраим заводился, чтобы отвесить Ньюту пинок под зад, но при этом чувствовал себя слегка виновато – и доктор Харли, и мать не одобрили бы подобного, – поэтому ударил слабее, чем обычно.

– Где аптечка первой помощи, debil?

Ньют потер место удара:

– У меня уши есть, Иф. Не надо меня пинать.

– Так я и думал, что уши у тебя в заднице, Ньют. Как, похоже, и все остальное. Я просто серу из них выбивал. Не поблагодаришь меня?

Вздохнув, Ньют достал из рюкзака аптечку.

– Садись, Иф.

Такова была роль Ньюта – воспитатель, вторая мама. К этому у него была природная склонность, и ребята из отряда время от времени принимали его заботу – принимали и снова превращали Ньюта в объект издевок. А тот позволял, потому что так было всегда.

Ньютон разорвал пакетик с пропитанной перекисью водорода салфеткой и прижал ее к ране на локте Эфраима. Тот зашипел сквозь стиснутые зубы.

– Просто щиплет, – сказал Ньют, – больно быть не должно.

Эфраим шлепком отбросил его руку:

– Сам справлюсь.

Ньютон посмотрел на небо. Принюхался.

– Что это ты делаешь?

– Кажется, гроза надвигается, – ответил Ньют. – Ее можно учуять. Такой щелочной запах, похож на смягчитель воды.

– У нас дома нет смягчителя воды, богатей, – с притворным рычанием Эфраим оскалился. – Мы любим воду *ж-ж-ж-ж-жесткой*.

– Посмотри тогда туда. Видишь? – Ньют указал на море. – Вода всегда краснеет перед бурей. Не совсем до кроваво-красного цвета, но почти. Когда надвигается шторм, в воздухе скапливается электричество, правильно? И оно заставляет простейших подниматься со дна; эти крошечные существа – самые крошечные создания на Земле – накачиваются кислородом, становятся темно-красными и, покрывая поверхность моря, окрашивают его в красный.

Эфраим с размаху приклеил на локоть пластырь.

– Срань господня, чувак. У тебя слишком большой мозг. Почему он из твоих ушей не сочится? – Он выпучил глаза. – Нет, серьезно... Чтоб меня! Он прямо сейчас вытекает!

Эфраим облизал палец и потянулся ввинтить тот в ухо Ньюту – классический «мокрый Вилли». Палец, однако, остановился совсем рядом, струйка слюны прилипла к завиткам на коже. Учитывая все обстоятельства, поступок выглядел бессердечным.

Эфраим вытер слюну о штаны, вскочил на ноги и помчался к остальным.

– Я спас тебе жизнь, Ньют! Ты у меня в долгу!

ТРОПА спускалась к омываемому волнами галечному берегу. Ребята, сбросив ботинки и закатав штаны, погрузили ноги в ледяное октябрьское море. Их лодыжки порозовели, будто свиное брюхо. Мальчишки набрали гладких гольшей и устроили состязание по «блинчикам», в котором Кент победил с десятию, по его подсчетам, подскоками.

– Эй, парни, – позвал Эфраим. – Зацените.

Он отвел их к глубокому отверстию в прибрежных скалах, окаймленному ирландским мхом. Мальчики собрались вокруг дыры. В тусклом свете мерцала маслянистая кожа. Таинственные фигуры наползали друг на друга. Раздавался шелковистый свистящий шорох – шшшшшшш, шшшшшш.

– Это клубок змей, – сказал Ньютон.

Сколько же там гадов? Невозможно было сказать наверняка. Извивающееся переплетение напоминало шар из резинок. Тела их были темными – это морские змеи? – и влажными, точно живое, свинцового цвета масло. В нос бил специфический запах рептилий – влажный и зловонный, как росистое поле, усеянное мертвыми сверчками.

– Что они делают? – спросил Эфраим.

– Они... – Лицо Ньюта порозовело. – Ну ты понимаешь...

– Трахаются? – Эфраим издал звук, будто его рвало. – Вот так трахаются змеи? Скручиваются в клубок? Типа... Змеиная оргия?

Кент и Макс рассмеялись. Эфраим был таким извращенцем. Змеиная оргия. Кто-то, как водится, попытался втолк-

нуть Ньютона в клубок змей и заставить к нему прикоснуться – в этот раз Шелли. Ньют высвободился из каучуковой хватки его длинных обезьяньих рук – похожих на щупальца без присосок – и закричал:

– Прекрати, Шел! Отстань!

Остальные мальчишки лениво наблюдали за происходящим. В этой сцене было что-то отталкивающее, прямо тошнотворное. Немного походило на то, как слепой удав в клетке преследует пухлую мышь: погоня может продолжаться долго, но змея упряма, к тому же она от природы хищник. И рано или поздно сожрет жирного ублюдка.

– Перестань, Шел, – скучающим тоном произнес Кент. – Он из-за тебя опять штаны обмочит.

Шелли резко прекратил свои попытки, развернулся и побрел к берегу. Ньютон разгладил рубашку на пухлом животе, с напряженной спиной повернулся к Кенту и сказал:

– Спасибо, Кент... Но со мной такое было только один раз, и мне было шесть лет, и была автобусная поездка в Монктон, которая длилась вечно, и, ладно, я выпил слишком много апельсиновой газировки в «Макдоналдсе», но...

– Заткнись, мудозвон, – ответил Кент. – Не возбуждайся слишком сильно, а то обмочишься, забыл?

ПОКА РЕБЯТА валяли дурака, Шелли забрался в неглубокий приливной бассейн. Там он отыскал лангуста. Тот идеально помещался в ладони. Шелли внимательно изучал его.

Лангуст выглядел странно и забавно. Мальчик попытался представить себе мир таким, каким он видится сквозь маковые зернышки глаз, сидящих на тонких стеблях. Что за глупое создание. Каковы были его дни – какова была его жизнь? Ползать по унылой пересохшей заводи, задыхаться от рыбьего дерьма, жрать всякую дрянь. Он ведь понятия не имеет о мире за пределами своей грязной лужи. «Тупица – это тот, кто поступает как тупица», – говорила мать Шелли, что его всегда поражало, поскольку такую тупую фразу мог сказать только тупой человек.

Каково это – разорвать лангуста на части? Нет, Шелли не задумывался о том, что почувствует лангуст – его это не волновало, ведь с такими крохотными мозгами и примитивными нервами лангуст в любом случае не способен ничего почувствовать. Шелли отстраненно размышлял о живом существе, которое наблюдает, как его рвут, словно листок бумаги, и ничего не ощущает, нисколько не тревожится.

«О, вот и моя нога. Не бери в голову. А, вот и вторая. Ой, а теперь я ничего не вижу. Наверное, мои глаза исчезли».

Шелли был в некотором роде любителем удовольствий. Он наслаждался прикосновением, надавливанием. Каково это – физически ощутить, как разрываешь лангуста? Станут ли клешни хвататься за пальцы? Будет ли глупое тело ракообразного сопротивляться собственному расчленению – этому чудесному ощущению напряжения, с которым конечности будут отрываться под влажный «чпок!»? Да, раки умеют

сражаться – и Шелли смутно надеялся на такой исход, – но это не имело значения. Мальчик не боялся укусов и царапин, к тому же он был намного крупнее. Для Шелли это было обычным делом: если он хотел что-то сделать и его никто не видел, – то просто делал то, что ему нравилось.

Он сжал маленький смешной глаз лангуста. Тот лопнул с приятным мягким хлопком. Текстура оказалась зернистой, как у расколотого шарика медового леденца. Остатки налипли на палец крошечными темными осколками елочной игрушки. Лангуст на ладони забился в судорогах, словно открывающийся и закрывающийся складной нож. Шелли был потрясен. В его глазах появился жесткий блеск. Рот наполнился слюной, тонкая струйка скатилась по дрожащей губе.

Он раздавил раку второй глаз. Осторожно потянул одну из клешней, наслаждаясь волнующим напряжением. *Чпок!* Отделенная от тела матово-розовая клешня продолжала щелкать. Шелли бросил ее в воду и наблюдал, как она тонула, открываясь и закрываясь.

– Эй, Шел, – окликнул его Эфраим, – Ньют собирается зажечь костер с одной спички. Ты нам нужен для щита от ветра.

НЬЮТОН ОТВЕЧАЛ за разведение огня. Ребята были рады, что он взял инициативу в свои руки. Вдобавок Ньютон преуспевал почти во всех основных навыках выживания: разжигание огня, ориентирование и сбор съедобных ягод.

Ньютон поджег ворох усней⁸ и принялся нянчиться с нарождающимися язычками пламени. Они поползли вверх по выбеленному дереву. Мальчишки присели вокруг костра, чтобы вобрать его тепло. Медово-золотистый солнечный свет разливался по тихой воде.

– Моя бабушка умерла от рака, – внезапно произнес Эфраим. – От рака печени.

– *Чего?* – встрепенулся Макс.

Взгляд Эфраима, брошенный на него, говорил: «Просто слушай».

– Ее кожа пожелтела. Все, что она могла осилить, – заменители еды, которые пьют старики. Волосы у нее вылезли из-за радиационной камеры, в которую ее засовывали, чтобы убить рак. – Он тяжело выдохнул, сдувая со лба темные пряди. – Когда я сегодня утром увидел этого парня, то сразу подумал о бабушке.

Весь день они старались не вспоминать того человека, но он все равно мелькал где-то на краю сознания. Его болезненное лицо. Конечности-спички. Сладкий запах.

Изящное и необычайно красивое лицо Эфраима приняло на редкость задумчивый вид.

– Как считаете, что с ним такое?

Кент схватил камень и с размаху швырнул его в воду.

– Кто знает, Иф? Если рак, то рак, верно? Люди заболевают раком. – Кент посмотрел на остальных с диким торже-

⁸ *Уснея* – разновидность кустистых лишайников.

ством. – Может, у него это, как оно называется... альпинизм или как-то так.

– Альцгеймер, – поправил Ньютон.

– Да, пусть бы и эта хрень, Ньют. У него вот она.

– Слишком молодой, – сказал Ньютон. – Это болезнь стариков.

– Вы, парни, ведете себя как дети, – Кент растянул последнее слово. – Мой отец говорит, что самый очевидный вывод обычно самый правильный. В девяноста девяти целых и девяти десятых процента случаев.

– Ну, и какой же вывод самый очевидный? – спросил Шелли, обратив бесцветное лицо к Кенту. – У него кожа как будто плавилась.

Ребята умолкли.

– Я думаю, что парень просто болен, вот и все, – сказал Макс через некоторое время. – Я много думал об этом.

– Я тоже, – произнес Эфраим.

– И я, – добавил Ньют.

Кент фыркнул:

– Тим ведь врач, так? А значит, это его работа. И лучше бы ему все уладить к тому времени, как мы вернемся.

Он пинком разворошил костер, разбросав пылающие коряги.

Прежде чем уйти, Ньютон собрал тлеющие палки и погасил их в воде. Закон скаута номер четыре: «Чти и защищай природу во всем ее изобилии».

* * *

**ЖУРНАЛ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ,
ДЕЛО 518С**

РАЗДЕЛ Т-11 (личные вещи)

Журнал консультаций Ньютона Торнтона

**Изъято из УЧАСТКА Т (Остров Принца Эдуарда,
Норд-Пойнт, Скайларк-роуд, 34) офицером Брайаном
Скелли, значок № 908**

Дорогой доктор Харли!

Я составлю вам письмо, поскольку пишу много писем – у меня есть друзья по переписке из Австралии, Англии и Дубьюка, штат Айова. Кому же не нравится открывать почтовый ящик и находить письмо от друга, даже если никогда с ним не встречался?

Так... Исповедь, да? Вы думаете, я держу все в себе, а исповедь полезна для души. Так ведь? Я бы говорил больше, если бы людей – я имею в виду других ребят в школе – хоть чуть-чуть интересовало мое мнение. Чаще они просто смеются, называют меня ботаником, чудиком, называют меня жирным, называют меня жирнящим чудиком-ботаником (что уже перебор, верно? Ботаники и чудики – это почти одно и то же...). Поэтому я почти не разговариваю, только с учителями и мамой. А теперь и с вами.

Дело в том, что в письмах можно быть другим человеком. И в Интернете тоже. Потому что там я – это не Я. Ладно, да, тоже я, но не физически. То есть не жирный (это железы), не потный (это тоже железы), не странный (для Норд-Пойнта, во всяком случае. Я не люблю охоту с луком, подводную охоту и вообще убийства, я слишком неповоротливый для стикбола, и мне действительно *ПРАВИТСЯ* «Анна из „Зеленых мезонинов“»⁹... так что да, здесь я странный!) и не неловкий, и не неуклюжий, и Эфраим Эллиот не прав, что иногда пахну гнилой кукурузой или черной ушной серой. (Кстати, я слышал, вы Ифа тоже консультируете. Отлично справляетесь – он уже месяц не делает мне ни «мокрого Вилли», ни «петушиного клюва», ни «крученных сосков».)

В Сети я другой человек. Там можно быть лучшей версией себя. По словам мамы, я очень чувствительный. Кроме того, эрудит, а значит, знаю чуть-чуть обо всем (что, **КОНЕЧНО ЖЕ**, признак ботаника). В Сети я могу быть со своими мозгами, но без своего тела.

Так... Исповедь. Простите меня, святой отец... Ха! В любом случае вы никому не расскажете. Конфиденциальность между пациентом и врачом. Я читал об этом.

Год назад умер мой двоюродный брат Шервуд, который жил в Манитобе. Он заснул в поле, и его переехал комбайн. Брат попытался убежать, но эти комбайны – сорок футов

⁹ Роман для детей канадской писательницы Люси Мод Монтгомери, действие которого происходит на острове Принца Эдуарда.

жужжащих лезвий. Хоронили его в закрытом гробу.

Я любил Шервуда. Мы почти не виделись – у нас не так уж много денег (я даже не знаю, как мама может вас позволить), а родители Шервуда – фермеры. Но каждое лето они приезжали в гости. Я брал Шера к океану. В Манитобе ведь нет океана, верно? Мы отлично ладили. Когда я делился с ним крохотными кусочками знаний, Шера это искренне интересовало.

Мы держались самых отдаленных мест, тех, о которых знал только я. Мне не хотелось встречаться с ребятами из школы – они назвали бы меня «жирдяй» или «мешок кишок». Я боялся, что, если Шер такое услышит, я перестану ему нравиться. Что было не совсем справедливо по отношению к нему. Шер помог бы мне, потому что кровь гуще воды, верно?

Шер был высоким, широкоплечим и мускулистым: «мускулы деревенского парня» – так он говорил, смеясь и рассказывая, что дома у всех такие, и вообще он не особенный. Но Шер был **ОСОБЕННЫМ**. Красивым (я могу сказать так и про другого мальчика, это не странно), и люди просто... Они тянулись к нему, такое слово, думаю, подойдет. Так магнит притягивает железные опилки. Все хотели дружить с Шером.

А потом он умер из-за глупого несчастного случая, и все сильно расстроились. Мир утратил свет – так говорили. Интересно, что бы сказали, если бы умер я? На самом деле не хочется гадать.

После похорон я достал коробку с фотографиями. Мама купила мне на день рождения «Полароид», и тот очень пригодился. В основном на снимках был Шер – снимал ведь я, плюс мне не нравится, как я выгляжу на фотографиях.

Я собирался сделать мемориальную страничку. На Facebook, понимаете? Что-нибудь в память о Шере. Моя идея, честно. Но в какой-то момент все изменилось.

Я отсканировал фотографии и сохранил их на компьютере. Но вместо мемориальной странички я... Ну, я создал человека. Наверное, именно это я и сделал.

Алекс Марксон. Не знаю, откуда я взял это имя, но мне оно показалось стильным. И хорошо подходило к фотографиям. У Алекса Марксона было лицо и тело Шервуда. У Алекса Марксона были мои слова и мои интересы. Алекс – это и я, и Шервуд вместе.

Я составил профиль. Хотя знал, что это неправильно. Мое сердце стучало как барабан, когда лицо Шера – ХЛОП! – оказалось прямо на экране. Получилось... святотатство? Я чуть было не удалил все. Чуть было.

Я начал публиковать всякое. Сначала ничего особенного. Только то, что меня интересовало, – то, за что меня здесь дразнят. Мои слова приклеились к телу Шера.

И что суперстранно... Алекс начал получать предложения дружбы. Я имею в виду, **ОЧЕНЬ МНОГО** предложений. От людей, с которыми мы никогда не встречались. И не от чудиков. Нормальных, спокойных людей. Мальчиков (и дево-

чек!) моего возраста.

Сначала я боялся принимать эти предложения – представлял, как Шер на небесах качает головой, – но через некоторое время принял. Люди писали на моей стене, а я – на их от имени Алекса. Лицо Шера расцветало на чужих страницах будто цветок.

Но дело в том, что интересы Алекса – это мои интересы. И люди считали его умным, забавным и, ну, КРУТЫМ. Разве это не странно? Когда я говорю те же самые вещи – это странности всякие, потому что люди считают меня чудиком. К примеру, о сбывающихся пророчествах.

И тогда – мне правда очень неловко – я отправил несколько запросов. Максу Кирквуду, Эфраиму Эллиоту и Кенту Дженксу. Я даже послал один Труди Деннисон, которая сидит передо мной в классе и является самой красивой, самой забавной и просто самой лучшей девочкой во всем мире. Не то чтобы я с ней когда-нибудь по-настоящему разговаривал, за исключением того случая, когда она одолжила карандаш на обществоведении... Если подумать, она так его и не вернула. Может быть, она, как и Кент, думает, что «одолжить» означает «оставить себе»... Наверное, она просто забыла.

В любом случае, угадайте что? Они приняли запрос, хотя никогда не встречались с Алексом. И не смогли бы, правда? Они просто решили, что Алекс красив, раскован и крут.

Я подумал: вот как МОГЛО быть. Если бы я не был СОБОЙ. Если бы я существовал в другом, подходящем теле,

в теле, которое все любят. Если бы не жил в Норд-Пойнте, где я как поезд на рельсах – знаю, куда еду, ненавижу свой маршрут, но не могу его изменить. Вот кем я мог бы стать, если бы мяч отскочил немного по-другому, понимаете?

На моей собственной странице в Facebook десять друзей. Мама, несколько дядюшек и тетушек, бабушка – «Я купила тебе новые джинсы в отделе для толстячков в «Симпсон-Сирс» Шарлоттауна, Ньюти!» – и несколько друзей по переписке... Мой приятель из Дюбюка удалил меня из друзей.

А теперь страшное признание, доктор Харли. Жила чистейшего золота, секрет, который, я думаю, о многом говорит:

Алекс Марксон не дружит с Ньютоном Торнтоном. Ни на Facebook. Ни в реальности или в этой жизни.

*Искренне ваш,
Ньютон Торнтон*

* * *

КОГДА ОНИ вернулись в хижину, уже стемнело. В круге камней подергивался костер. Рядом сидел скаут-мастер Тим. На его шее сильно выступали сухожилия, они походили на уходящие в глубь тела крохотные деревца.

– В хижину не входите, – сказал он ребятам.

– Там мое пальто, – возразил Кент.

– У костра тепло. С тобой все будет в порядке.

– Я хочу взять пальто.

– Меня не волнует, что ты хочешь, – мертвым голосом произнес Тим. – Тот человек болен. Такого я никогда раньше не видел. Здесь я ему диагноз поставить не смогу.

Мальчишки уселись вокруг костра.

– Чем болен? – спросил Ньютон.

– Сначала я думал, что раком. Врачи всегда сначала подозревают рак. Но для рака почти всегда характерна потеря аппетита, а тут...

Тим не видел причин рассказывать ребятам, что во второй половине дня мужчина вскочил, словно вампир с пронзенным сердцем из гроба. Сосуды в его глазах полопались... Язык превратился в узел из сухожилий, как будто из него выкачали всю слюну...

Мужчина вонзил зубы в диван и яростными рывками начал рвать ткань.

Бессмысленность этого поступка привела Тима в ужас.

Ему удалось успокоить незнакомца, прежде чем тот успел проглотить слишком много. Он с большой вероятностью мог подавиться до смерти от заплесневелой набивки старого «Честерфилда». Бережно придерживая мужчину за шею, Тим уложил его на пол. Голова у того запрокинулась, челюсть отвисла...

И тогда Тим кое-что заметил. Пожалуй, это напоминало белый сустав кости – кости с переломом по типу «зеленой ветки», разве что изогнутой и блестящей. Видимой лишь одно мучительно долгое мгновение. Застрявшей в горле под надгортанником. Слегка ребристой и отчасти похожей на жабры...

Затем грудная клетка мужчины вздулась, едва не расколов кости, и нечто успокоилось.

– ...а тот человек очень голоден, – закончил Тим.

– И что ты собираешься делать? – поинтересовался Кент.

Тим проигнорировал дерзкий тон мальчишки.

– У него может быть какая-то скрытая болезнь. Думаю, он умрет до того, как вернется катер.

– Вы можете его прооперировать? – спросил Ньютон.

– Вскрыть его, – добавил Шелли.

– Я нечасто оперировал, – ответил Тим, – но основы знаю.

Макс, ты когда-нибудь помогал отцу на работе?

Отец Макса был окружным коронером. А еще таксидермистом. Если кто-то хотел получить трофейного голубого

тунца на дубовой подставке, нужно было только позвонить. Настойчивый голос в голове Тима твердил, что не нужно впутывать ребят, лучше держать их подальше от всего этого. Но какой-то другой, новый голосок вкрадчиво убеждал не тревожиться, ведь все будет хорошо.

«У тебя всё под контролем, Тим...»

Однако это было не так: он слишком остро осознал сей факт. Эта ночь определит, будет незнакомец жить или умрет... Возможно, даже не ночь, а лишь несколько часов. Вот почему Тим так и не стал хирургом – ему не хватало скорости инстинктов, его голова была не способна быстро определить приоритеты. Он любил поразмыслить. Возможно, даже чересчур. Склонность к слишком долгим раздумьям была всего лишь безобидной причудой врача общей практики, но теперь, когда требовалась стремительность, он чувствовал, что разваливается на части.

– Я помогал набивать чучела, – сказал Макс.

– Как именно помогал?

– Заправлял иглы кетгутом. Полировал стеклянные глаза и всякое такое.

«Это интернатура, – произнес голос в голове Тима. – Считай, подготовка к резидентуре. Родители Макса не будут возражать. Ведь жизнь человека в опасности, верно? Макс умен, Макс осторожен, а ты сможешь защитить его, если что-нибудь случится».

Тим ткнул пальцем в остальных:

– Вы все останетесь здесь. Без возражений. Этот человек... Я не знаю, что с ним. У него может быть вирус.

– Вирус? – переспросил Эфраим.

– Типа, подхватил что-то, – сказал Кент. – Понимаешь, заразный он.

– Вы уверены, скаут-мастер? – уточнил Ньют. – Макс всего лишь...

«Мальчик» – вот слово, которое проглотил Ньютон. Всего лишь мальчик, а Тим ведет его в хижину, где лежит человек с неизвестной болезнью.

Левый глаз Тима задергался – нервы не выдержали. Дерг-дерг-дерг, точно затвор фотоаппарата. Тим крепко зажмурился и медленно сосчитал про себя до пяти. Тихий, настойчивый, сводящий с ума голос глубоко в мозгу начал задавать вопросы: «Что ты делаешь, Тим? Ты действительно уверен, Тим?» Холодный зычный голос напомнил HAL 9000, компьютер из фильма «2001 год: Космическая одиссея». Он не затыкался, продолжал ворчать с ледяной уверенностью: «Так что же ты делаешь?»

Тим смутно опасался, что это был голос здравого смысла, голос разума, к которому он прислушивался всю сознательную жизнь и от которого теперь постепенно отказывается.

– Ты не обязан помогать, Макс. – Взгляд Эфраима упал на скаут-мастера. – Он ведь не обязан, правда?

Тим сглотнул. А затем нервно повторил еще несколько раз – ему казалось, что в горле застрял камешек.

– Нет... нет. Но не думаю, что справлюсь в одиночку. И мы примем все меры предосторожности.

– Это безопасно? – спросил Макс.

Тим сглатывал, сглатывал...

«Ты уверен, Тим? Это действительно...»

«Все будет ХОРОШО. Ты СПРАВИШЬСЯ с этим».

Новый голос заглушил ханжеские запугивания HAL 9000. Более громкий и внушительный, принадлежащий человеку действия. Он вытеснил прежний голос – замечательно, Тим устал его слушаться.

– Безопасно, – сказал он.

«Во всяком случае, достаточно безопасно», – произнес НОВЫЙ ГОЛОС.

Тим указал в сторону хижины и сказал Максусу:

– А теперь *идем*.

ВОЗДУХ В ХИЖИНЕ был приторно-сладким. Макс, прикрыв глаза, представил кроны тропических деревьев, увешанные переспевшими и подгнившими плодами.

Тим плеснул спиртом на длинную полоску марли:

– Прижми ко рту и носу. И не убирай, что бы ни случилось, Макс.

– А вам разве не нужно?

– Не думаю, что сейчас это имеет значение.

Тим не терял времени. На столе уже был разложен примитивный хирургический набор: шовный материал, иглы, скальпели, шприцы для подкожных инъекций, ампулы, бутылка скотча и паяльник.

– Я вытащил его из лодки Оливера МакКэнти, – указывая на последний, сказал Тим. – Возможно, смогу прижечь крупные кровеносные сосуды.

Кухонные шкафчики были открыты настежь. Макс заметил в мусорном ведре пустые обертки от хот-догов и пакеты от булочек. Огромный мешок с овсянкой был разорван, и большая ее часть исчезла. Ореховые смеси... Вяленая говядина... Их провиант на все выходные.

Тим провел ладонью по лицу, смущенно улыбнулся Максу и указал на переносной пластиковый холодильник оранжевого цвета.

– К той еде я даже не притронулся. Вынеси его на улицу, пожалуйста. Прямо сейчас.

Макс сделал так, как было велено, и внутри у него все онемело. Он краем уха услышал слова Ньютона: «Что скажут об этом наши предки?» и увидел вопросительные взгляды своих товарищей-скаутов; затем поставил холодильник, развернулся, не обращая ни на кого внимания, и направился обратно к Тиму. Порыв ветра захлопнул за Максом дверь. Мальчик ковырял пол носком ботинка – ему не хотелось находиться рядом с незнакомцем.

– Подопри дверную ручку стулом, – распорядился Тим, наливая виски в креманку. – Не хочу, чтобы они вошли.

В освещенной хижине Макс увидел, как сильно изменился скаут-мастер за время их отсутствия. Его грудная клетка запала. Плечи опустились, а шея торчала между ними, точно росток гороха, накрученный на бамбуковую подпорку. Пальцы по-паучьи бегали по бутылке – они и сами походили на пауков.

Макс припомнил, как отец говорил о Тиме: «У доктора Риггса руки семейного врача. Настоящие грабли! Не руки хирурга. У хирурга пальцы до чудного деликатны. Как будто в них есть дополнительные суставы. Прямо руки Носферату – до того бледные и причудливые, что прямо видишь, как они тянутся из темноты, чтобы схватить тебя!»

Что ж, теперь у скаут-мастера Тима были руки хирурга. Тим уловил в глазах Макса вопрос и ответил:

– Да... Похоже на то, дружище. Вчера вечером он что-то отхаркнул на меня. Я подумал, что ил, но с тех пор потерял уже... двадцать фунтов? За один день? – Он говорил мечтательно, с недоуменным благоговением. – По меньшей мере двадцать. И с каждой минутой теряю все больше.

Макс понимал, что его скаут-мастер пытается сохранять спокойствие – смотреть на ситуацию как врач, – но его похудевшее тело дрожало от неудержимого заячьего страха. В голове Макса без остановки вертелось одно-единственное слово: «БежатьБежатьБежатьБежатьБежать».

Но он этого не сделал. Возможно, из-за долгой общей истории, из-за врожденного доверия, которое он питал к скаут-мастеру. Может быть, это был условный рефлекс: когда взрослый просит о помощи, Макс ее предлагает. Взрослый ведь должен совсем отчаяться, чтобы попросить помощи у ребенка.

Скаут-мастер Тим залпом выпил виски. Спиртное ручейками потекло по его губам. Он уставился на мальчика красноватыми глазами.

– Это не только ради меня, Макс. Но ради тебя и ради остальных тоже.

Максу вспомнилось, как много лет назад его отец получил травму на бейсбольном поле. Их команда играла с командой полицейского профсоюза, капитаном которой был отец Кента. Отец Макса был кэтчером, и на заключительной игре девятого иннинга, когда счет сравнялся, Джефф Здоровяк

Дженкс, тяжело отдуваясь, мчал вокруг третьей базы к дому. Филдер передал мяч отцу Макса на добрых десять ярдов раньше прибытия Дженкса – правила Лиги софтбола гласили, что кэтчеру не нужно делать касание перчаткой, так что у ранера не было никаких причин врезаться в кэтчера в надежде выбить мяч.

Это не остановило Дженкса. Своим двухсотпятидесятифунтовым телом он влетел в отца Макса – который, и вымокнув от пота, весил сто шестьдесят, – и раскатал того по метке «дом».

Макс услышал высокий мелодичный *«хрусть!»*, который раздался над освещенным прожекторами полем. Отец стоял в оцепенении, его рука повисла под странным углом: согнулась в локте, а нижняя часть болталась вареной лапшой. Из сустава торчал осколок кости, влажно поблескивая в свете ламп.

Второй бейсмен отвез их на машине отца в отделение скорой помощи. Макс сидел на заднем сиденье, отец – впереди. Он, храбро улыбаясь, перегнулся через спинку. «Все в порядке, Максимилиан. Всего лишь царапина», – сказал он, цитируя один из любимых фильмов. В больнице отец Макса сидел на кровати, отгороженной белой занавеской. Макс не разрешили побыть с ним, потому что, как сказал отец, «зрелище наверняка будет гадкое». Поэтому мальчик слышал только скрежет подноса костоправа и хрустящий, леденящий кровь *«щелк!»*, с которым сломанную кость постави-

ли на место. Когда занавеску отодвинули, отец устало и одурманенно улыбался, а его рука покоилась на перевязи.

Джефф Дженкс пришел сказать, что сожалеет, но это было не по-настоящему. Некоторые люди не способны принести искренние извинения, понял Макс, что-то в их натуре сопротивляется, поэтому взамен они называют произошедшее несчастным случаем, недоразумением или говорят: «Мне жаль, что ты так расстроен», незаметно перекладывая на тебя вину за то, что ты из пустяка раздуваешь проблему. Кент тоже был там и сказал Максу, что сожалеет о случившемся – что тоже не было извинением. Макс навсегда запомнил горделивый блеск в глазах Кента.

Потом отец повез Макса домой. «Ты не мог бы переключить передачу, сынок? Мне с этим не справиться». Они ехали по окутанным мраком улицам, отец рулил одной рукой. «Старею, малыш. – Он улыбнулся. – И едва держусь на месте „ловца“». Внезапный страх коснулся макушки Макса – страх и печаль, которые так сильно перемешались, что ему захотелось плакать. До той ночи он искренне верил, что его отец непобедим. Тот был необычайно силен, мог починить крышу или срубить топором дерево. Но в ту ночь отец выглядел слабым, усталым и слегка напуганным. *Уязвимым*. Такого Макс никогда прежде не видел. Всякое тело выходит из строя, понял он. Разваливается, а человеку остается только наблюдать за этим.

Теперь, глядя на скаут-мастера, Макс подумал о том же и

поежился.

– МНЕ ПОНАДОБИТСЯ твоя помощь, Макс. Очень понадобится в ближайшие несколько минут.

– Хм, а что нужно делать?

В четырнадцать лет рост Макса был чуть ниже среднего, но плечи у него были широкие, а грудь – плотная. Он двигался с гибкостью, не свойственной мальчикам его возраста – те обычно были угловатыми, как будто состояли из одних локтей и разбитых коленей. У него же было роквелловское¹⁰ лицо: торчащие ершиком рыжие волосы и россыпь веснушек на щеках. Он выглядел плотно сбитым и мускулистым Опи¹¹.

Что отличало Макса от других ребят, так это его отстраненность и хладнокровие. Тим не верил, что подобное поведение внушил ему отец – Реджи Кирквуд был человеком хорошим, но легкомысленным, как колибри, склонным к сплетням и выпивке. Похожее хладнокровие Тим видел у своих однокурсников в медшколе, у тех, что стали лучшими «скальпелями» в «Джоне Хопкинсе» и «Бет Израэль». Не то чтобы самоуверенность, скорее отсутствие паники или колебаний. Они доверяли и своим инстинктам, и своим рукам,

¹⁰ *Норман Роквелл* – культовый художник и иллюстратор середины XX века. В своих картинах он изображал идеальную версию мира, наполненную добротой и теплом.

¹¹ Прозвище, которое дают чернокожие жители США и Канады белым и особенно рыжеволосым. Происходит от имени героя сериала «Шоу Энди Гриффита» Опи Тейлор.

которые приводили эти инстинкты в действие.

Тим не собирался требовать от мальчика слишком много во время предстоящей операции – даже просить его остаться было ужасно. Раздражающе рассудительный голос HAL 9000 эхом повторил:

«Тим, мне кажется, ты теряешь рассудок. – Мысленным взглядом Тим видел HAL: разумный темный стеклянный глаз, красная точка, которая расширялась и сжималась, словно зрачок. – А теперь и ребенка тянешь за собой в кроличью нору».

«Не слушай эту чушь, – прогремел другой, более обнадеживающий голос. – Ты – врач. Это твой долг. Какой еще выбор – просто смотреть, как человек умирает? А в одиночку тебе не справиться, не так ли?»

Не справиться. Все очень просто.

Тим включил паяльник, чтобы дать тому нагреться.

– Я дал ему обезболивающее.

Анестетик был ненастоящий – всего лишь две перетертые таблетки «Викодина», давно позабытые на дне рюкзака. Лекарство прописали ему много лет назад, когда он восстанавливался после инфаркта в мышце голени. Вполне возможно, что срок годности истек, но, черт возьми, все лучше, чем ничего.

– Он не должен проснуться. – Тим вцепился в одеяло, собранное у горла мужчины. – Готов?

Макс кивнул. Тим откинул одеяло.

МАКС НЕ СМОГ скрыть ужас на своем лице. Такой безотчетный страх испытал бы любой, столкнувшись с человеком, который выглядел так, словно уже не принадлежал к людскому роду.

Незнакомец не походил на человека. Скорее на карандашный рисунок, сделанный туповатым ребенком. Тело состояло из линий. Руки были каракулями. Пальцы напоминали начерченных пауков. Кожа жутко обтягивала грудную клетку, облегла каждое ребро, демонстрируя бороздки мускулов. Грудная кость превратилась в узел, таз – в отвратительную провисшую дугу. Кожа лица была цвета старой меди и так плотно стискивала череп, что Макс мог разглядеть проблески костей вокруг глазниц. Торчавшие, как ручки кувшина, уши были такие тонкие, что загибались внутрь, точно обгорелая бумага.

– Невероятно. Бог мой. У него даже хрящи разрушаются, – с ужасом и благоговением произнес Тим.

«Он выглядит как самый старый из живущих людей», – подумал Макс.

Единственной крепкой частью оставался сильно набухший и выпирающий живот. Мужчина как будто проглотил волейбольный мяч.

– Я собираюсь провести гастростомию, – сказал Тим. – Сделаю небольшой надрез в верхней трети левой прямой мышцы. По сути, тут. – Он провел пальцем под нижним реб-

ром. – Так быстрее и удобнее попасть в брюшную полость. Там совсем немного висцерального и брюшного жира.

– А там вообще есть жир?

– Его тело, должно быть, начало поедать собственные мышцы. Я беспокоюсь о печени... И почти ее не вижу. – Он указал на мягкий выступ на боку мужчины. – Вероятно, она отказала. И теперь находится в стадии отмирания и быстро твердеет.

– Вы сумеете его спасти?

Максу казалось, что это невозможно. Незнакомец принадлежал уже не столько миру Макса, миру живых, сколько миру его отца – миру неподвижных мертвецов в морге.

– Не могу сказать. То, что он все еще жив, это чудо какое-то. Но мы должны что-то сделать, Макс. – Тим испытующе глянул на мальчика, и его веко задергалось. – Верно?

Макс не был уверен. С чего это должны? Может, мужик сам с собой такое сотворил и теперь пожинает результат неудач или неверных решений.

Тим попытался улыбнуться, но мышцы не слушались – получилась скорее ухмылка сумасшедшего. Лицо его становилось то беспечным, то смущенным, словно в душе скаут-мастера боролись противоречивые чувства. Макс гадал, на самом ли деле Тим хочет спасти незнакомца или эгоистически исследует собственные симптомы. Он размышлял об этом, а над паяльником уже начали подниматься завитки прозрачного дыма.

– Как вы думаете, что это такое? – тихо спросил Макс.

Тим взял скальпель. Затем он уставился на свою руку, пока та не перестала дрожать.

– Я устал гадать, Макс. Сейчас немного его разрежу. Со всем чуть-чуть, ладно?

ТИМУ ВСПОМНИЛАСЬ медицинская школа, операционная, где врач-инструктор, склонившись над пациентом, произносил: «Момент всевластия, ребята. Сейчас всё в ваших руках. Так что чтите тело, которое лежит под скальпелем».

Тим сделает все возможное, чтобы почтить тело этого человека... То, что от него осталось.

– Готов, Макс?

Мальчик кивнул.

– Просто следуй моим инструкциям. Не бойся, если я прикрикну или буду требовательным, – ты тут ни при чем. – Он натянуто и безрадостно улыбнулся. – Постараюсь не повышать голос.

Тим коснулся лезвием кожи незнакомца, которая была натянута так туго, что можно было разглядеть поры – миллион крошечных ртов, растянутых в беззвучном крике. Ему не хватало хладнокровной уверенности настоящего «скальпеля» – того, кого можно разбудить среди ночи, втолкнуть в операционную, сунуть в руки инструменты, а он скажет только: «Я все понял» – и приступит к делу.

Редкий дар. Способности Тима были куда скромнее, поэтому он и стал терапевтом в маленьком городке, имея на руках депрессоры языка и манжету для измерения кровяного давления. Раньше его это устраивало, но, едва над плотью человека запел скальпель, Тим страстно возжелал непогрешимой уверенности своих приятелей по медшколе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.